

146

88

1. Л. М. Филипповъ.

КОНТЪ И ЕГО МЕТОДЪ.

2. Л. И. Филиппова.

ОГЮСТЪ КОНТЪ И КЛОТИЛЬДА ДЕ ВО.

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Пороховникова, Басейная, д. № 3—5.
1898.

14033/53
M $\frac{135}{143}$

1. М. М. Филипповъ.

146
87
801-05
595

КОНТЪ И ЕГО МЕТОДЪ.

2. Л. И. Филиппова.

ОГЮСТЬ КОНТЪ И КЛОТИЛЬДА ДЕ ВО.

Цена 30 коп.

БИБЛИОТЕКА

Список. № 114

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Пороховщикова, Вассейнал. д. № 3—5.

1898.

Дозволено цензурою. Спб. 14 апрѣля 1898 г.

Контъ и его методъ.

I.

Огюсть Контъ былъ, по его собственнымъ словамъ, потомокъ рода, извѣстнаго своимъ вѣрнымъ служеніемъ католицизму и монархизму. Контъ родился въ Монпелье 19 янв. 1798 года и воспитывался первоначально въ одномъ изъ тѣхъ лицеевъ, гдѣ Бонапарте „напрасно старался возстановить преобладаніе теолого-метафизической системы“. Едва достигнувъ четырнадцатилѣтняго возраста, Контъ успѣлъ уже пройти „всѣ существенныя градаци революціоннаго духа“ и въ то время онъ уже сознавалъ необходимость „всеобщаго политическаго и философскаго возрожденія“. Это подлинныя слова Конта. Допустивъ въ нихъ извѣстную долю преувеличенія, все же слѣдуетъ признать, что въ умѣ Конта очень рано явилась оппозиція противъ тупой рутинны, господствовавшей въ школахъ, подчиненныхъ двойному гнету свѣтскаго и духовнаго деспотизма. Поступленіе въ парижскую Политехническую школу, гдѣ преподавали лучшіе математики того времени, было эпохой въ жизни Конта. Здѣсь онъ развилъ свои математическія способности и впервые понялъ ту истину, что духъ такъ называемыхъ точныхъ наукъ долженъ проникнуть во всѣ области знанія. Контъ сталъ пополнять свое первоначальное образованіе, стараясь, несмотря на ограниченность матеріальныхъ средствъ, познакомиться съ биологическими науками и посвящая остальное время изученію исторіи. Эти занятія, требовавшія значительной экономіи времени, послужили основой для выработанной впоследствии Контомъ философіи наукъ. По собственнымъ словамъ Конта, идея іерархическаго ряда наукъ установилась въ его умѣ въ 1821 году. Къ этой же эпохѣ должно быть отнесено установленіе знаменитаго закона, выражающаго, по мнѣнію Конта, все человѣческое развитіе (évolution — Контъ часто употребляетъ этотъ терминъ), индивидуальное и общественное. Это законъ о трехъ главныхъ фазахъ умственнаго развитія — теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ.

Сопоставляя автобиографическія показанія Конта, трудно усомниться въ томъ, что основныя начала своего учения онъ выработалъ вполнѣ самостоятельно; люди, подобные Конту, вообще не годятся въ роли учениковъ. Изъ этого, разумеется, не слѣдуетъ, чтобы онъ остался внѣ всякихъ личныя вліяній. Въ концѣ 1817 года, стало-быть въ эпоху, когда учение Конта далеко не успѣло установиться въ его собственномъ умѣ, двадцатилѣтній Контъ сблизился съ Сень-Симономъ, которому въ то время было уже 48 лѣтъ и который успѣлъ уже издать большую часть своихъ трудовъ, исключая однако Катехизиса промышленныхъ классовъ (Catechisme des Industriels), часть котораго была составлена Контомъ¹⁾.

Опредѣлить степень зависимости Конта отъ Сень-Симона довольно трудно. Дюрингъ, напр., безъ всякой критики, признаетъ Конта „ученикомъ“ Сень-Симона, а нѣкоторые поклонники Конта, въ свою очередь, заходятъ такъ далеко, что приписываютъ роль ученика—Сень-Симоу. Проче всего этотъ вопросъ рѣшается изученіемъ прежнихъ работъ Сень-Симона и автобиографическими показаніями самого Конта. Безпристрастное изслѣдованіе показываетъ, что въ 1802 году, когда Конту не было еще пяти лѣтъ, Сень-Симонъ уже высказывалъ въ своихъ „Письмахъ женеваго обывателя“ нѣкоторые отрывочныя мысли, въ которыхъ можно усмотрѣть намеки на положительную философію. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что науки образуютъ рядъ, расположенный по степени сложности изучаемыхъ ими объектовъ.

Что касается самого Конта, онъ весьма энергически отвергалъ мысль о крупныхъ заимствованіяхъ, но въ то же время не отрицалъ, что было время, когда онъ значительно подчинился вліянію Сень-Симона. „Это злополучное вліяніе, говоритъ Контъ, на долгое время отведло меня отъ философской работы и побудило къ праздымъ попыткамъ выѣхиваться въ непосредственную политическую дѣятельность... Хотя я не отрицаю того, что знакомство съ Сень-Симономъ... принесло мнѣ пользу, обративъ мое вниманіе на социальное значеніе промышленнаго развитія, но еще раньше на эту мысль наводило меня изученіе экономическихъ теорій“. Во всякомъ случаѣ Контъ признавалъ, что частное сходство нѣкоторыхъ изъ его положеній съ ученіемъ Сень-Симона далеко перевѣшивается различіемъ въ основныхъ положеніяхъ.

Если, однако, сопоставить все, что говоритъ Сень-Симонъ

¹⁾ Эта часть, первоначально озаглавленная „Планъ научныхъ трудовъ, необходимыхъ для преобразования общества (1822)“ перепечатана въ собраніи сочиненій Сень-Симона (См. Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin Paris, 1865—78 т. 83) Здѣсь же Контъ говоритъ о „соціальной политикѣ“ и о „соціальной физикѣ“. Сравни. P. Janet, Les origines de la philosophie d'Auguste Comte. Revue des deux Mondes, августъ 1887.

какъ по болѣе общимъ вопросамъ, напр., о законности развитія человѣческаго духа, такъ и по болѣе частнымъ, напр., объ отношеніи писателей XVIII вѣка къ средневѣковой эпохѣ, то окажется, что сходство идей Конта, по крайней мѣрѣ въ области социологіи, съ мыслями Сень-Симона, высказанными еще до его знакомства съ Контомъ, далеко не ограничивается маловажными подробностями. Въ особенности же мысли о противоположности военнаго и промышленнаго строя и о союзѣ теологіи съ феодализмомъ, а науки съ промышленными состояніемъ, несомнѣнно принадлежатъ Сень-Симоу и лишь развиты далѣе Контомъ¹⁾.

Въ эпоху составленія „Промышленной системы“, Сень-Симонъ достигъ уже значительной славы и собралъ вокругъ себя кружокъ молодыхъ энтузіастовъ, въ числѣ которыхъ былъ, напр., будущій знаменитый историкъ Огюстенъ Тьерри, въ то время уже обладавшій обширными познаніями. Въ этомъ кружкѣ окупѣли и окончательно сложились основныя воззрѣнія Конта, а если нѣсколько лѣтъ спустя онъ рѣзко разошелся съ Сень-Симономъ, то это вовсе не исключаетъ прежняго вліянія, едва-ли всегда отрицательнаго. Можно даже сказать, что рѣзкость оппозиціи по отношенію къ бывшему другу заставила Конта черезчуръ уклониться въ другую сторону и проглядѣть нѣкоторые основательныя мысли Сень-Симона: таковы, въ особенности, замѣчанія Сень-Симона о зависимости государственныхъ формъ отъ имущественныхъ отношеній²⁾. Контъ несомнѣнно пользуется мыслями Сень-Симона о происхожденіи классовъ³⁾, усвоивъ, однако, самую слабую ихъ сторону—убѣжденіе въ руководящей миссіи промышленныхъ классовъ, съ буржуазіей и даже съ банкирами во главѣ, причемъ вопросъ о противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата былъ извращенъ до неузнаваемости.

Вскорѣ послѣ изданія „Катехизиса промышленныхъ классовъ“, между Контомъ и Сень-Симономъ произошелъ разрывъ, вызванный теоретическими разногласіями. Понять причину разрыва не

¹⁾ Два первыхъ тома *Système industriel* 1821—22 были набросаны Сень-Симономъ еще въ маѣ 1817 года, тогда какъ первое свиданіе его съ Контомъ произошло въ октябрѣ того-же года.

²⁾ *La forme du gouvernement... n'est qu'une forme et la propriété est le fond; donc c'est cette constitution qui sert véritablement de base à l'édifice social.* (Oeuvres, назв. 1865—78 года, vol. XIX, 83). Это еще не есть, конечно, идея, развитая Марксомъ, такъ какъ Сень-Симонъ говоритъ не объ экономической основѣ политическаго строя, а объ имущественныхъ правахъ, т. е. о юридической формѣ экономическихъ отношеній.

³⁾ О происхожденіи классовъ см. *Catechisme des Industriels*, Oeuvres, Vol. 37. Теперь взгляды Сень-Симона могутъ показаться наивными: такъ онъ объясняетъ усиленіе социальнаго значенія ремесленниковъ и торговцевъ послѣ реставраціи походовъ, развитіемъ роскоши среди высшихъ сословій. Заслуга Сень-Симона, однако, въ томъ, что онъ рѣзко поставилъ вопросъ о происхожденіи классовъ, тогда какъ до него историки почти исключительно изслѣдовали вопросъ о происхожденіи государственныхъ формъ.

трудно, если вспомнить, что говорит сам Контъ о вліянні на него Сень-Симона. Ни о какой неблагодарности и личной враждѣ со стороны Конта не можетъ быть рѣчи; достаточно замѣтить, что послѣ смерти Сень-Симона, Контъ всегда тщательно охранялъ память прежняго друга отъ враговъ и также отъ людей, спекулировавшихъ именемъ того, кого называли своимъ учителемъ.

О личной жизни Конта здѣсь будетъ идти рѣчь лишь по столько, по сколько она непосредственно отразилась на его философской дѣятельности. Въ 1826 году Контъ предпринялъ рядъ публичныхъ лекцій, въ которыхъ намѣревался изложить свое философское ученіе. Несомнѣнно, что друзья Конта успѣли ознакомить весь ученый міръ Парижа съ нѣкоторыми взглядами Конта, и ему удалось привлечь въ свою аудиторію такихъ слушателей, какихъ едва-ли имѣлъ какой-либо другой лекторъ; въ числѣ ихъ были: Александръ Гумбольдтъ, Влзвиль, Пуансо, математикъ Фурие, Брусс, Карно. Но послѣ первыхъ же лекцій, весной 1826 года, усиленные занятія, въ связи съ глубокими нравственными страданіями, потрясли его организмъ. Контъ впалъ во временное помѣшательство. Онъ самъ описываетъ этотъ періодъ слѣдующимъ образомъ: „Если бы моя болѣзнь была предоставлена естественному теченію, я, безъ сомнѣнія, скоро могъ бы возвратиться къ нормальному состоянію, что будетъ ясно изъ слѣдующаго. Но слишкомъ робкая и безразсудная заботливость, впрочемъ естественная въ подобныхъ обстоятельствахъ, была, къ несчастью, причиною злополучнаго вмѣшательства эмпирической медицины, въ спеціальному заведенію знаменитаго Эскриолы, гдѣ нѣжное обхожденіе съ больными быстро довело меня до весьма характернаго помѣшательства. Послѣ того, какъ медицина объявила меня неизлѣчимымъ, внутренняя сила моей организаціи, съ помощью нѣкоторыхъ домашнихъ попеченій, восторжествовала естественнымъ путемъ, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль... надъ болѣзнію и, главное, надъ медицинскими средствами. Этотъ воплѣтъ естественный успѣхъ былъ, спустя восемнадцать мѣсяцевъ, настолько упроченъ, что въ августѣ 1828 года, читая знаменитое сочиненіе Бруссъ объ умопомѣшательствѣ, я уже могъ философию воспользоваться тѣмъ печальнымъ личнымъ опытомъ, который въ ту эпоху обогатилъ мой умъ, купившій эти свѣдѣнія такой дорогой цѣною“.

Контъ поясняетъ, что такимъ откровеннымъ признаніемъ онъ желаетъ гарантировать себя отъ всякихъ инсинуацій, пускаясь въ ходъ не только какими-нибудь жалкими писаками, но и такими учеными, каковы, напр., знаменитый Пуассонъ.

Въ 1828 году Контъ могъ уже возобновить свои занятія и чтеніе курса; четыре года спустя онъ получилъ въ Политехнической школѣ скромное мѣсто репетитора по высшему анализу и

раціональной механикѣ, а позднѣе (1837) былъ назначенъ экзаменаторомъ для поступающихъ въ ту же школу; профессорской каведры Контъ не получилъ. Мало того, какъ разъ въ то время была упразднена должность пожизненныхъ экзаменаторовъ и было определено, что занимающіе должность экзаменатора должны подвергаться ежегодной перебаллотировкѣ. Контъ былъ первый, къ кому примѣнили эту мѣру и такимъ образомъ его положеніе оказалось крайне зависимымъ.

Интриги, затѣяныя противъ Конта, едва-ли требуютъ сложнаго объясненія. Каждый, кому хотя сколько-нибудь знакома „борьба за существованіе“, происходящая во всѣхъ сферахъ общества, въ томъ числѣ и въ ученюмъ мірѣ, припишетъ эти интриги людскимъ страстямъ и низменнымъ чертамъ человѣческой натуры.

Но Контъ былъ прежде всего творцомъ „Позитивной философіи“, въ которой умственные движенія челоѣчества были поставлены краеугольнымъ камнемъ всей системы. Философъ хотѣлъ остаться вѣрнымъ своему принципу и провести его даже въ мелочахъ быденной жизни. Не удивительно, поэтому, что всѣхъ окружающихъ онъ подраздѣлялъ, сообразно со своей теоріей умственного развитія, на теологовъ, метафизиковъ и позитивистовъ. Всѣ обиденныя людскія отношенія, зависящія отъ мелкихъ самолюбія, отъ корысти, отъ желанія подставить ногу ближнему, Контъ приписывалъ по преимуществу интеллектуальной борьбѣ. „Партія теологовъ“, конечно, отслесалъ къ нему крайне враждебно. Римская курія предала проклятію его философію еще раніе окончанія „Курса“, не смотря на почти восторженное отношеніе Конта къ исторической миссіи католицизма. Не ограничившись анаемой, духовенство стало преслѣдовать Конта за то, что онъ, по порученію комитета „Политехнической Ассоціаціи“ читалъ (съ 1831 по 1848 годъ) въ зданіи мэріи третьяго парижскаго округа, популярныя бесплатныя лекціи по астрономіи парижскимъ рабочимъ. „И вотъ, говоритъ Контъ, самыя низкія орудія этой школы стали дерзко требовать отъ правительства, которое перестало имъ повиноваться, полнаго уничтоженія всѣхъ моихъ средствъ къ существованію“.

Столкновеніе съ „партіей метафизиковъ“ оказалось еще болѣе опаснымъ для Конта. Единственнымъ „метафизикомъ“, въ пользу котораго Контъ сдѣлалъ первоначально исключеніе, былъ знаменитый историкъ и печальной памяти министръ, Гизо. Но и въ немъ Конту пришлось разочароваться. Вначалѣ 30-хъ годовъ Контъ, по его словамъ, „оказалъ честь“ Гизо, обратившись къ нему съ предложеніемъ учредить каведру исторіи положительныхъ наукъ. Единственный разъ въ жизни Контъ отступилъ отъ правила—никогда не просить у властей ничего, помимо того, что онъ обя-

зани сдѣлать по закону. Но поведеніе Гизо окончательно убѣдило Конта въ невозможности имѣть дѣло съ „метафизиками“. По разсказу Конта, послѣ различныхъ увѣрствъ, Гизо „основаній множество бесполезныхъ и даже вредныхъ кафедръ для своихъ приверженцевъ и льстецовъ, рѣшительно отказался отъ предлагаемаго нововведенія“. Контъ приписываетъ этотъ поступокъ исключительно метафизической злопамятности Гизо.

Не мѣшаетъ, впрочемъ, выслушать также противную сторону. Въ своихъ „Мемуарахъ“, экс-министръ Луи-Филиппа описываетъ столкновеніе съ Контomъ слѣдующимъ образомъ:

„Я въ то время (1832) находился въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ одному человѣку, который — не скажу надѣлалъ шума, такъ какъ меньшаго шума нельзя себѣ представить, — но произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе, даже за предѣлами Франціи, на многія умы, причемъ слѣдуетъ указать, что его идеи стали символомъ вѣры маленькой философской секты. Новая кафедра (литературы, конституціоннаго права и т. д.), созданный при Коллежъ де Франсъ, а также при факультетахъ, привели въ движеніе честолюбія всего ученаго міра. Огюстъ Контъ, авторъ того, что другіе называли и что онъ самъ называлъ положительной философіей, просилъ у меня свиданія. Я съ нимъ вовсе не былъ знакомъ, даже никогда о немъ не слышалъ. Я его принималъ, мы немного побесѣдовали. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я учредилъ для него, при Коллежъ де-Франсъ, кафедру по исторіи физико-математическихъ наукъ; и чтобы доказать необходимость такой кафедры, онъ изложилъ мнѣ въ неудоваримой и непонятной формѣ свои взгляды на человѣка, общество, цивилизацію, религію, философію и исторію. Это былъ простой, честный, глубоко-убѣжденный человѣкъ, преданный своимъ идеямъ, скромный по внѣшности, хотя, въ сущности, глубоко-тщеславный и искренне вѣровавшій, что онъ призванъ открыть, для человѣческаго духа и для общества, новую эру. Слушая его, я съ трудомъ воздерживался отъ того, чтобы не выразить вслухъ изумленія, почему такой сильный умъ въ то же время до того ограниченъ, что даже не догадывается относительно истинной природы и значенія фактовъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, или вопросовъ, которые онъ рѣшаетъ; и почему такой безкорыстной характеръ не встрѣчаетъ помѣхи со стороны своихъ собственныхъ чувствъ, невольно проникнутыхъ моральнымъ началомъ, но не предупреждающихъ его о безнравственности и ложности его идей. Таково положеніе опирающагося на математику материализма! Я не пытался даже оспаривать г. Конта; его искренность, убѣжденность и ослабленіе внушали мнѣ то грустное почтеніе, которое прикрывается молчаніемъ. Нѣсколько времени спустя, онъ написалъ мнѣ

длинное письмо, возобновляя свою просьбу о кафедрѣ, учрежденіе которой представлялось ему необходимымъ для науки и общества. Если бы я съелъ умышленно учредить ее, то, конечно, ни на минуту не подумалъ бы дать ему эту кафедру“.

Воспоминанія Гизо, помимо содержащейся въ нихъ характеристики Конта, какъ человѣка искренняго и убѣжденнаго, отлично характеризуютъ и самого Гизо, какъ человѣка не искренняго и способнаго лгать даже самому себѣ. Дѣйствительно, трудно иначе объяснить странную забывчивость знаменитаго историка, привыкшаго къ обращенію съ хронологіей; а между тѣмъ, хронологія доказываетъ, что Гизо вовсе не впервые увидѣлъ Конта въ 1852 году, но еще задолго до этого времени успѣлъ съ нимъ познакомиться и даже, судя по одному письму (напечатанному самимъ Гизо въ числѣ прочихъ документовъ) вѣлъ съ Контomъ „глубокомысленныя философскія бесѣды“ (des conversations profondément philosophiques).

Безъ всякаго сомнѣнія, отказъ, полученный Контomъ, былъ продиктованъ не одною „метафизическою злопамятностью“ Гизо, но и политической трусостью, и доктринерской сухостью, и министерскимъ высокомеріемъ. Но въ этомъ случаѣ, различіе убѣжденій все же могло играть роль, въ особенности если примемъ во вниманіе, что Гизо не умѣлъ отличить позитивизмъ отъ материализма.

Къ сожалѣнію, Конту пришлось убѣдиться горькимъ опытомъ въ томъ, что и люди, близкіе къ позитивизму по самому характеру своихъ изслѣдованій, а именно представители точныхъ наукъ, относились къ философу крайне недоброжелательно. Эти люди, составлявшіе, по словамъ Конта, его „интеллектуальную семью“, оказались злѣйшими врагами. Студенты политехнической школы, правда, относились къ Конту съ любовью и уваженіемъ; но профессора устраивали противъ него всевозможные подлоны и подвохи. Даже крайніе почитатели Конта признаютъ, что философъ былъ высокоренъ и неуживчивъ; но самый фактъ интригъ противъ Конта стоитъ внѣ сомнѣнія. Въ 1848 году дошло до того, что совѣтъ Политехнической Школы предложилъ министру замѣнить Конта, по должности экзаменатора, другимъ кандидатомъ, а въ слѣдующемъ году Штурмъ, при которомъ Контъ состоялъ репетиторомъ, предложилъ на его мѣсто другое лицо. Лишившись всѣхъ источниковъ дохода, великій философъ оказался въ положеніи нищаго, который долженъ былъ пользоваться помощью англійскихъ и французскихъ друзей. Многократныя попытки Конта проникнуть въ Академію Наукъ, конечно, потерпѣли неудачу: въ ученomъ мірѣ у него было слишкомъ много враговъ.

Здѣсь не мѣсто описывать исторію развода Конта съ женою и любви къ Клотильдѣ. Смерть Клотильды въ связи съ другими нравственными потрясеніями и альтернативою—умереть или жить подаяніями друзей и почитателей—все это глубоко отразилось на умственномъ состояніи Конта. Можно оспаривать утвержденіе, что Контъ, послѣ смерти Клотильды, вторично „сошелъ съ ума“; но если и не было помѣшательства, то во всякомъ случаѣ, было умственное и нравственное перерожденіе, близкое къ психической болѣзни; а подъ конецъ наступило и настоящее вырожденіе. Известно, что Контъ, сначала установившій годичную торжественную церемонію для преданія анаемѣ Наполеона I, послѣ того восторженно привѣтствовалъ переворотъ 2 декабря, ради чего даже поссорился съ своимъ лучшимъ другомъ Литтре. Стоитъ сопоставить этотъ поступокъ съ послѣдними произведеніями Конта, чтобы устранить всякую мысль о полной нормальности его умственныхъ способностей со второй половины 40-хъ годовъ. Тѣ почитатели Конта, которые одинаково благоволяли передъ всѣми его произведеніями, были правы лишь въ одномъ отношеніи: нѣкоторые отдѣльныя положенія Конта въ его позднѣйшихъ трудахъ представляють дальнѣйшее развитіе идей, части выраженныхъ уже въ его курсѣ, и на ряду съ уродливыми формами, мы порою встречаемъ въ концѣ жизни Конта и дѣйствительно блестящія мысли. Но всѣ прежнія и до новѣйшаго времени повторяющія попытки доказать, что въ „Позитивной политикѣ“ и въ „Субъективномъ синтезѣ“¹⁾ Контъ далъ истинное завершеніе или вѣнецъ своей системы, убѣждаютъ лишь въ томъ, что есть не мало людей, которые не умѣютъ уважать даже страданій великаго ума и болѣе всего способны переконаться передъ его вольными и невольными ошибками и заблужденіями.

II.

Если исключить изъ положительной философіи Конта то, что въ ней есть общаго съ ученіями Бэкона, Юма и другихъ предшественниковъ позитивизма, то наиболее характерными особенностями ученія Конта окажутся линейная классификація наукъ и законъ трехъ фазисовъ умственного развитія.

¹⁾ Въ какой-мѣнѣ мѣръ мысли Конта, развитія уже въ Курсѣ положительной философіи, послужая основой позднѣйшаго *таможеннаго* субъективизма, было указано мною еще 15 лѣтъ тому назадъ въ статьѣ «Соположеніе идей От. Конта» Вѣст., 1883. Слѣдующее замѣчаніе могу цитировать: замѣтилъ, что Контъ примѣняетъ свое изложеніе исключительно къ человѣческому роду, я утверждалъ, что «такое одностороннее примѣненіе легко могло привести къ существенному предложенію передъ верховнымъ существомъ, подъ которымъ Контъ въ концѣ концовъ подразумѣвалъ чело-вѣчскій родъ».

Когда говорятъ о контовской классификаціи наукъ, то часто забываютъ, что эта классификація, по ученію самого Конта, далеко не охватываетъ всей совокупности научнаго знанія, но относится исключительно къ тѣмъ наукамъ, которые Контъ признавалъ абстрактными, тогда какъ классификацію конкретныхъ наукъ онъ считалъ преждевременною. Необходимо, поэтому, начать съ разсмотрѣнія вопроса, насколько правильно и дѣлособразно самое подраздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя, при чемъ слѣдуетъ сначала установить, какой смыслъ придавалъ Контъ термину абстрактный.

По опредѣленію Конта, абстрактная наука изслѣдуетъ законы явленій, тогда какъ конкретная изучаетъ существа или предметы. Если выдѣлитъ математику, которой Контъ предоставляетъ совершенно особое мѣсто, то окажется что „самыя общія, самыя простыя, самыя отвлеченныя и наиболѣе удаленныя отъ човѣчества“ явленія изучаетъ астрономія. Оказывается, такимъ образомъ, что по исключеніи математики, остальные „абстрактныя“ науки все же обладаютъ не одинаковою степенью отвлеченности. Отсюда уже ясно, что понятіе абстрактности имѣетъ относительный характеръ или, другими, словами, противоположность между абстрактными и конкретными науками не можетъ быть радикальною. Даже абстрактнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, математика, по Конту, не представляетъ чѣлго, обладающаго всюду одинаковою степенью абстрактности; математика, въ свою очередь, подраздѣляется на двѣ науки: абстрактную математику или анализъ, исчисленіе въ широкомъ значеніи этого слова, и конкретную математику, состоящую, въ свою очередь, изъ геометріи и рациональной механики. Математическій анализъ представляетъ не болѣе, какъ распространеніе естественной логики: геометрія и механика, наоборотъ, по Конту имѣють характеръ настоящихъ естественныхъ наукъ, основанныхъ на наблюденіи, хотя, по крайней простотѣ изучаемыхъ ими явленій, эти науки допускають болѣе совершенную степень систематизаціи, что и заставляють пороку забывать объ опытномъ происхожденіи ихъ основныхъ началъ.

Такимъ образомъ подраздѣленіе математики на абстрактную и конкретную части основано уже не на противопоставленіи явленій—предметамъ, а на противоположеніи логическаго вывода—опыту.

Не смотря на подобныя неясности,—мысль Конта все же въ общемъ ясна, хотя совсѣмъ иной вопросъ—насколько она справедлива. Абстрактныя науки, по Конту, это тѣ, которыя имѣють дѣло съ законами явленій, хотя извлеченныя изъ изученія дѣйствительности, но въ одинаковой мѣрѣ

совмѣстными и съ такими комбинаціями, которыя, въ дѣйствительности, не наступаютъ. Конкретныя науки, наоборотъ, изучаютъ только тѣ комбинаціи явленій, которыя встрѣчаются въ дѣйствительныхъ объектахъ.

Если мы снова исключимъ математику, о которой придется говорить особо, то нельзя сказать, чтобы легко было подыскивать примѣры, вполне поясняющіе эту мысль Конта. Такъ напр., Контъ причисляетъ къ абстрактнымъ наукамъ химию, къ конкретнымъ—минералогію. Конечно, никто не скажетъ, чтобы соединеніе, получаемое только въ лабораторіи или, вообще, искусственнымъ путемъ было болѣе „абстрактнымъ“, нежели любой минералъ, встрѣчающійся въ природѣ. „Абсолютный“ спиртъ, такъ какъ его „абсолютность“ признается не въ метафизическомъ смыслѣ этого слова, а лишь какъ приблизительная чистота препарата, не болѣе „абстрактенъ“, чѣмъ полевой шпатъ или гранитъ; пока химія только описываетъ тѣ или иные вещества, она ничуть не отвлеченнѣе минералогіи. Химія становится абстрактною наукою лишь съ того момента, когда вводитъ отвлеченныя понятія объ элементахъ, объ идеально-однородныхъ тѣлахъ, идеально-чистыхъ соединеніяхъ, объ атомахъ, частицахъ и т. п. Но въдъ и минералогія не обречена на вѣчную участь чисто-описательной науки. Ничто не препятствуетъ и ей вводить отвлеченныя понятія; она пользуется абстракціями, разсуждая теоретически о формахъ, которымъ дѣйствительныя кристаллы никогда не удовлетворяютъ. Если минералогія пользуется физикой и механикой, то въдъ и химія прибѣгаетъ къ ихъ помощи, да и кристаллическое строеніе далеко не безразлично для химика: достаточно напомнить о работахъ Пастера, послужившихъ основой стереохимии. Не смотря на разъясненія комментаторовъ и на полемику, направленную противъ Конта-Спенсеромъ, вопросъ о подраздѣленіи наукъ на абстрактныя и конкретныя далеко еще нельзя считать исчерпаннымъ и мы считаемъ поэтому необходимымъ на немъ остановиться съ нѣкоторою подробностью.

По ученію Конта абстрактныя науки имѣютъ дѣло съ законами, отъ которыхъ зависитъ и всѣ дѣйствительно совершающіяся явленія, и тѣ, которыя существуютъ лишь какъ нѣмны умственные комбинаціи. Забѣжимъ, прежде всего, что это ученіе Конта порою затмѣняется примѣрами приводимыми съ цѣлью его поясненія. Такъ напр., когда говорятъ, что химія, какъ абстрактная наука, занимается болѣею частью соединеніями, получаемыми только въ лабораторіяхъ, тогда какъ конкретная наука—минералогія, вовсе не изучаетъ искусственныхъ соединеній, а лишь тѣ, которыя существуютъ въ природѣ,—когда приводить этотъ примѣръ, то мысль Конта мало выигрываетъ въ ясности. Было уже замѣчено, что

искусственное химическое соединеніе нисколько не болѣе абстрактно, чѣмъ любой минералъ. Мы гораздо ближе подойдемъ къ настоящей мысли Конта, если замѣтимъ, что многія химическія соединенія и многія простыя тѣла существовали первоначально лишь въ головахъ теоретиковъ и лишь впоследствии были обнаружены опытнымъ изслѣдованіемъ. Такъ, ученіе о гомологахъ позволяетъ предсказывать существованіе многихъ соединеній раньше, чѣмъ они были къмъ либо добыты; таковы же многія предсказанія, относящіяся къ различнымъ производнымъ; таковы, наконецъ, знаменитыя предсказанія Менделѣева относительно недостающихъ членовъ его періодической системы, оправданныя открытіями Лекко-де-Буабодрана, Винклера и др. Теоретическая химія, оперирующая надъ отвлеченными понятіями и ядъ ихъ символами—химическими формулами дѣйствительности, является абстрактной наукой, хотя и опиравшейся въ концѣ концовъ (какъ и всѣ вообще, науки) на данныя опыта и требующей постоянной опытной проверки. Это не мѣшаетъ существованію конкретной химіи, которая является не только матеріаломъ всякой химической теоріи, но и необходимымъ средствомъ проверки теоретическихъ положеній. Нельзя, поэтому, усвоить мнѣніе Спенсера, который полагаетъ, что такъ какъ химія „рассматриваемая, какъ наука“ (т. е. теоретическая или абстрактная химія) изучаетъ лишь явленія строенія и молекулярныхъ превращеній“, то отсюда будто-бы вытекаетъ, что химикъ описываетъ свойства того или иного вещества „лишь въ видахъ отождествленія“. Вьсамомъ дѣлѣ описаніе такихъ свойствъ, какъ кристаллическая форма, удѣльный вѣсъ, преломляемость составляетъ необходимое основаніе химической теоріи, безъ котораго и самое знаніе теоріи рискуетъ обрушиться, какъ рухнула ученія древнихъ философовъ о стихіяхъ, основанныя на недостаточномъ изученіи свойствъ ограниченного числа веществъ.

Но если абстрактная химія лишь условно можетъ быть отдѣлена отъ конкретной химіи, то отсюда ясно, что противоположеніе химіи какой либо конкретной наукѣ, напр. минералогіи, не можетъ быть признано основнымъ: приходится искать иныхъ отличительныхъ признаковъ. Трудность противопоставленія химіи какъ „абстрактной“ науки — минералогіи, какъ наукѣ „конкретной“, станетъ еще очевиднѣе, когда мы убедимся въ томъ, что и минералогія имѣетъ свой „абстрактный“ отдѣлъ. Дѣйствительно, основаніемъ минералогіи является ученіе о кристаллическихъ формахъ или кристаллологіи, оперирующая не только надъ реальными кристаллами, но и надъ идеальными кристаллическими формами. Ученіе объ этихъ идеальныхъ формахъ есть наука вполне абстрактная, имѣющая даже математическій характеръ.

Если, для болѣе точности параллелизма, мы сопоставимъ

минералогію лишь съ такъ называемой „неорганической химіей“, то окажется, что пока рѣчь идетъ о конкретныхъ отбѣлахъ обихъ наукъ, между ними трудно провести ясную пограничную черту. Такъ напр., описание свойствъ алмаза, кварца, самороднаго золота можетъ, съ одинаковымъ удобствомъ, быть отнесено и къ описательной „неорганической“ химіи и къ описательной минералогіи. Что касается такъ часто подчеркиваемого различія между „естественными“ и „искусственными“ соединениями, оно имѣло значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока химія не достигла способовъ искусственнаго полученія многихъ минераловъ. Достаточно напомнить, что Сенармонъ получилъ искусственный кварцъ помощью нагрѣванія студенистой кремневой кислоты съ водой при высокомъ давленіи и что, подобнымъ же образомъ, были получены Фриделемъ, Саразеномъ, Хрущевымъ и др. многочисленные минералы. Такъ напр. въ лабораторіяхъ искусственно добывали красную (хромовую) свинцовую руду, воластонитъ, ортоклазъ и мног. др.

Дѣйствительное различіе между минералогіей и „неорганической“ или хотя бы „минеральной“ химіей является лишь тамъ, гдѣ *обѣ* эти науки переходятъ отъ конкретной стадіи къ абстрактной. Теоретическая минералогія отличается отъ теоретической химіи не какъ конкретная наука отъ абстрактной: ученіе о кристаллической структурѣ не менѣе абстрактно. чѣмъ ученіе о химическомъ строеніи. Существенное отличіе обихъ наукъ состоитъ въ различіи тѣхъ абстрактныхъ понятій, надъ которыми оперируетъ каждая изъ нихъ. Конечно, описательная минералогія, а черезъ ея посредство и теоретическая, не могутъ обойтись безъ содѣйствія физики и химіи; точно такъ же, какъ въ свою очередь, теоретическая химія пользуется данными не только физики, но и абстрактной минералогіи (кристаллическая форма тѣлъ имѣетъ важное значеніе для многихъ химическихъ теорій). Право минералогіи на самостоятельность имѣть основаніе; но право это доставляется исключительно *морфологіей* (напр. ученіемъ о кристаллическихъ формахъ) и *исторіей развитія минераловъ*. Морфологическіе признаки минераловъ отличаютъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ тѣлъ, исторія же развитія изслѣдуется способами происхожденія тѣхъ или иныхъ тѣлъ и полагаетъ основаніе ихъ естественно-исторической группировкѣ. Исходя изъ генетическаго принципа, мы, въ концѣ концовъ, все-же вынуждены выработать абстракціи, обозначаемыя именами „естественныхъ“ видовъ, родовъ, отрядовъ и т. п., съ цѣлью прійти, такимъ образомъ, къ генеалогической классификаціи, составляющей вѣнецъ всякой „естественно-исторической науки“. Съ этой точки зрѣнія, минералогія противопоставляется биологическимъ наукамъ, поскольку онѣ изучаютъ тѣ или иные растительные и животные типы; и она противополо-

гается химіи, какъ наукѣ, изучающей всякое тѣло въ его составныхъ частяхъ, а не въ историческомъ развитіи; однако, и это противоположеніе нельзя считать безусловнымъ съ тѣхъ поръ, какъ явились попытки изслѣдовать исторію развитія всякаго вещества, въ томъ числѣ и простыхъ тѣлъ или „химическихъ элементовъ“. Для выясненія взглядовъ Конта на абстрактныя и конкретныя науки слѣдуетъ, поэтому, оставить въ сторонѣ такія науки, какъ химію и минералогію и выбрать болѣе рѣзкій примѣръ, противоположая напр. *физику* минералогіи, какъ „чисто-абстрактную“ науку — наукѣ будто-бы чисто-конкретной. Различіе состоитъ въ томъ, что изучалъ виды и превращенія энергій. физика рассматриваетъ тѣ или иные тѣла въ ихъ отбѣльныхъ проявленіяхъ, тогда какъ минералогія, даже въ своей теоретической части, пытается дать объясненіе всѣмъ доступнымъ изслѣдованію свойствамъ всѣхъ агрегатовъ, подлежащихъ ея изученію, т. е. составныхъ частей земной коры. Физика вовсе не имѣетъ дѣла съ понятіемъ эволюціи, т. е. постепеннаго развитія тѣхъ или иныхъ агрегатовъ: она принимаетъ тѣла и ихъ свойства за данныя величины; этимъ она рѣзко противопоставляется той группѣ наукъ, которая, какъ показали впервые Спенсеръ, объединяются понятіемъ объ эволюціи. Спенсеръ лишь затемнилъ свою мысль, назвавъ физику „абстрактно-конкретной“ наукой въ противоположность будто-бы чисто „конкретнымъ“ наукамъ, изслѣдующимъ агрегаты, какъ продукты эволюціи¹⁾.

Изъ сказаннаго выше само собою вытекаетъ, что указанное Контомъ подраздѣленіе наукъ на абстрактныя и конкретныя никакъ не можетъ быть признано основнымъ. Самъ Контъ допускалъ уже разныя ступени абстрактности; и мы видѣли, что науки, признаваемые Контомъ и его послѣдователями (напр. Миллемъ) абстрактными, состоятъ изъ абстрактной и конкретной части, а науки, признаваемые конкретными, какъ напр. минералогія, въ свою очередь, имѣютъ абстрактную часть (ученіе о кристаллическихъ формахъ). Мы видѣли, что гораздо болѣе основнымъ принципомъ классификаціи является (если ограничимся на время лишь естествознаніемъ) противопоставленіе наукъ, изучающихъ отбѣльныя, всегда тождественныя, проявленія тѣхъ или иныхъ формъ энергій — наукамъ, изучающимъ тѣ или иные виды тѣлъ, рассматриваемые какъ продукты эволюціи, т. е. какъ результаты самыхъ разнообразныхъ, вѣчно измѣнчивыхъ комбинацій матеріи и движенія. Съ этой точки зрѣнія мы примыкаемъ къ взглядамъ Спенсера, хотя и не считаемъ возможнымъ

¹⁾ Конечно, каждый вправе пользоваться придуманной имъ терминологіей, но терминъ „абстрактный“ и „конкретный“ слишкомъ установились для того, чтобы пользоваться ими въ смыслѣ, рѣзко отличающемся отъ общепринятаго.

момъ дѣлѣ исторія науки еще болѣе сложна, чѣмъ думалъ Контъ. Такъ напр., нѣкоторыя отрасли биологическихъ наукъ получили уже значительное развитіе у Аристотеля въ то время, когда химія не существовала, а физика находилась въ младенческомъ состояніи. Тотъ-же Аристотель установилъ понятіе мѣновой цѣнности въ противоположность полезности и указалъ на нѣкоторые законы общественной жизни, а стало быть положилъ основаніе научной социологіи—въ эпоху, когда напр. минералогія ограничивалась составленіемъ грубыхъ описаній. Такимъ образомъ эмпирикопедическая формула Конта менѣе всего способна выразить исторію наукъ, и своей ссылкой на соотвѣстствіе ея съ исторіей, Контъ лишь далъ оружіе критикамъ. По адресу этихъ послѣднихъ можно возразить, что вовсе не въ этомъ главное значеніе классификаціи, какъ она понимается Контомъ.¹⁾ Иной вопросъ, можно ли такую классификацію, заведомо не согласную съ генетическими принципами, считать вполне удовлетворительною. Отвѣтъ будетъ зависѣть отъ тѣхъ цѣлей, которыя имѣетъ въ виду классификація. Всякая классификація, какъ замѣчаетъ Спенсеръ, должна заключать въ одинъ классъ предметы, имѣющіе между собою больше общихъ признаковъ, чѣмъ каждый изъ нихъ имѣетъ со всѣми остальными предметами, не входящими въ разсматриваемую классъ; но такъ какъ число признаковъ неограничено, то необходимо знать, какіе признаки считать *существенными* для классификаціи; а въ этомъ скрывалась, до утвержденія эволюціонной теоріи, Сцилла и Харибда всѣхъ классификацій, даже тѣхъ, которыя считали себя „естественными“. И когда самъ Спенсеръ классифицируетъ науки на два рода—науки, занимающіяся абстрактными отношеніями и изучающія самьявленія, а затѣмъ подраздѣляетъ эти послѣднія снова на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна изучаетъ отдѣльные факторы а другая совокупность явленій, то мы вправѣ спросить: въ чемъ основаніе такого дѣленія? Соотвѣтствуетъ-ли оно истинной исторіи развитія идей или же является лишь распредѣленіемъ образовавшихся уже группъ понятій, независимо отъ исторіи ихъ происхожденія? Если примемъ во вниманіе, что къ группѣ наукъ, изучающихъ абстрактныя отношенія, Спенсеръ причисляетъ лишь логику и математику, въ группу наукъ изучающихъ явленія въ ихъ элементахъ включаетъ механику, физику и химію, а въ чисто „конкретнымъ“ наукамъ причисляетъ астрономію, геологію, биологію, психологію и социологію, то мы увидимъ, что такое подраздѣленіе имѣетъ такъ же мало общаго съ историческимъ генезисомъ идей, какъ и классификація Конта. Такъ напр. астрономія, биологія и даже

психологія и социологія въ эпоху Аристотеля стояли на сравнительно высокой ступени по сравнению съ физикою и химіей. Трактатъ Аристотеля „О душѣ“ можетъ быть смѣло поставленъ выше психологическихъ трактатовъ XVII вѣка, тогда какъ въ области физики Аристотель стоитъ гораздо ниже Декарта и Паскаля. Точно также ботаническія сочиненія Теофраста указываютъ уже на значительную зрѣлость мышленія въ эпоху, когда химія ограничивалась ученіемъ о стихіяхъ.

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы классификація, по возможности приспособленная къ исторіи наукъ, не имѣла значенія; наоборотъ, мы полагаемъ, что именно такая классификація *должна быть типомъ* исторіи науки. Но та или иная группировка научныхъ теорій и знаній въ ихъ современномъ состояніи настоятельно необходима для дидактическихъ (или, по выраженію Конта, догматическихъ) цѣлей; а такая классификація, по необходимости, будетъ отрывочною и вѣчно измѣняющеюся, въ зависимости отъ развитія тѣхъ или иныхъ отраслей знанія. Это пунктъ, отмѣченный Спенсеромъ еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ Контомъ, хотя на такое замѣчаніе прямо могла-бы натолкнуть Спенсера его эволюціонная теорія. Всякая классификація наукъ, не задающаяся цѣлью установить историческую преемственность идей, по необходимости выражаетъ лишь временное и преходящее состояніе науки. Общая картина научнаго знанія измѣняется въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, а сообразно съ этимъ придется перестраивать и наши классификаціи, какъ бы онѣ ни были удовлетворительны для современной эпохи. И самое большее, что можетъ сдѣлать философъ, это дать классификацію, до нѣкоторой степени предвосхищающую фактическое развитіе науки; а съ этой точки зрѣнія классификація Конта одна изъ самыхъ удачныхъ *для своего времени*.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ выводу, что если исключить вопросъ о классификаціи, возможно полно выражающей истинный генезисъ идей (т. е. о единственной классификаціи, заступающей названіи естественной системы, хотя идеаль ея очевидно недостижимъ), то единственнымъ основаніемъ для сужденія о годности всякой иной классификаціи можетъ быть ея значеніе, какъ системы понятій, и соотвѣстствіе ея дидактическимъ цѣлямъ, т. е. облегченію усвоенія и дальнѣйшаго развитія тѣхъ или иныхъ группъ понятій. Съ этой точки зрѣнія, терминъ Конта, т. е. наименованіе іерархическаго ряда „эмпирикопедической формулой“, слѣдуетъ признать удачнымъ, такъ какъ классификація должна формулировать состояніе всего круга наукъ въ ихъ существующемъ видѣ, и въ то же время послужить стимуломъ для воздѣйствія однихъ группъ понятій на другія.

¹⁾ Точно также напр. классификація живущихъ теперь организмовъ не соотвѣтствуетъ генезису органическаго міра. Контъ, однако не знаетъ, что именно въ этомъ ея недостатокъ, частью устраненный съ помощью палеонтологіи.

Эта послѣдняя, реформаторская часть задачи наиболѣе обращает на себя вниманіе Конта и она, дѣйствительно, является важнѣйшею; такъ какъ въ историческихъ наслѣніяхъ, по скольку они выражаются въ состояніи современной науки, можетъ быть много нераціональнаго и задерживающаго дальнѣйшіе успѣхи научнаго знанія—даже независимо отъ присутствія въ наукѣ какихъ-либо теологическихъ и метафизическихъ элементовъ. Съ точки зрѣнія Конта, классификація наукъ является, поэтому, не только пассивнымъ отраженіемъ или простымъ описаніемъ дѣйствительнаго состоянія современной науки, но и результатомъ активнаго воздѣйствія философіи на науку.

IV.

Здѣсь мы неизбежно наталкиваемся на вопросъ объ относительномъ значеніи тѣхъ или иныхъ группъ научныхъ понятій. Классификація наукъ должна отбѣднить второстепенное отъ главнаго, опредѣлитъ роль, принадлежащую тѣмъ или инымъ областямъ знанія, указать степень подчиненности однихъ наукъ другимъ, или же характеръ ихъ взаимной зависимости.

Контъ представлялъ себѣ взаимную зависимость наукъ по преимуществу въ видѣ іерархическаго подчиненія однихъ членовъ ряда другимъ. Быть можетъ французская политическая система, по которой государство представляло (а частью представляетъ и теперь) родъ іерархической арміи, въ связи съ тою самою „теолого-метафизическою“ іезуитскою школою, которую Конту, какъ и всякому французу, пришлось пройти въ юности—быть можетъ все это развило у философа излишнее пристрастіе къ іерархическимъ группировкамъ. Несомнѣнно, однако, что у Конта были на то и чисто теоретическія основанія. Подраздѣливъ всѣ науки на абстрактныя и конкретныя, Контъ усмотрѣлъ относительность понятія объ абстрактномъ и призналъ разныя степени абстракціи. Отсюда не трудно было прийти къ выводу, что всѣ „абстрактныя“ науки могутъ быть расположены въ рядѣ, смотря по степени ихъ абстрактности, причемъ наиболѣе отвлеченныя науки должны были оказаться во главѣ ряда. Такъ произошла знаменитая „энциклопедическая формула“, включающая шесть основныхъ наукъ. „Въ концѣ концовъ, говоритъ Контъ, математика, астрономія, физика, химія, физиологія и социальная физика (начиная съ IV тома курса, названная имъ социологія) такова энциклопедическая формула, которая, въ числѣ множества классификацій, относящихся къ шести основнымъ наукамъ, есть единственная, логическая сообразная съ естественной и неизмѣнной іерархіей явленій“.

Изъ этихъ словъ Конта ясно, что онъ считалъ свою классификацію выраженіемъ не только группировки *понятій* по степени абстрактности, но и группировки *самыхъ явленій*, которымъ соответствуютъ наши понятія. При выводѣ этой формулы Контъ все время разсуждаетъ о степени простоты или (что по его мнѣнію одно и то-же) степени общности *явленій*. Такъ, по его словамъ, явленія неорганическихъ тѣлъ въ одно и то же время болѣе просты и болѣе общи, чѣмъ явленія жизни; изъ явленій, изучаемыхъ неорганическою физикою (въ самомъ обширномъ значеніи этого слова), наиболѣе простыми и въ то же время наиболѣе общими оказываются астрономическія явленія; Контъ считаетъ ихъ также „наиболѣе отвлеченными изъ всѣхъ“. Наконецъ, земная физика, въ свою очередь, можетъ изучать явленія съ механической или же съ химической точки зрѣнія; первыя болѣе общи, болѣе просты и болѣе абстрактны. Изъ всѣхъ явленій, доступныхъ нашему изученію, наиболѣе частныя, самыя сложныя, самыя конкретныя и, наконецъ, представляющія наиболѣе прямой интересъ для человѣка, это явленія, разсматриваемыя социальною физикою (социологія). Такимъ образомъ, Контъ считаетъ доказаннымъ, что по степени простоты, общности и абстрактности, во главѣ іерархическаго ряда должна быть поставлена астрономія, а послѣднее мѣсто занимаетъ социальная физика. Что касается математики, науки еще болѣе абстрактной, чѣмъ астрономія, она занимаетъ совсѣмъ особое положеніе, являясь основаніемъ или главнымъ орудіемъ всей положительной философіи.

Итакъ, несомнѣнно, Контъ допускалъ, что его классификація не только выражаетъ степень усложненія понятій, но и даетъ принципъ іерархизація *самыхъ явленій*. Чѣмъ болѣе общи, просты и отвлеченны „явленія“,—тѣмъ менѣе они, по мнѣнію Конта, зависящіе отъ другихъ явленій, тѣмъ болѣе точными могутъ быть относящіеся къ нимъ знанія и тѣмъ скорѣе достигается совершенство этихъ знаній. Поэтому іерархическій рядъ наукъ служитъ въ то же время и общимъ планомъ для рациональнаго научнаго образованія. Въ этихъ разсужденіяхъ Конта есть уязвимый пунктъ—малое вниманіе къ тому взаимодействию между науками, которое онъ хотя и признавалъ, но не въ достаточной степени; этотъ пунктъ и послужилъ Спенсеру точкой опоры для его полемики противъ Конта и нельзя сказать, чтобы Литтре, Миллю и другимъ сторонникамъ Конта удалось побѣдоносно отразить критику Спенсера¹⁾. Спенсеръ, конечно, ошибся,

¹⁾ В. Лесевичъ въ цитированномъ выше трудѣ (стр. 207 и слѣд.) также становится на сторону Конта, но не безусловно. Такъ онъ рѣшительно отвергаетъ замеченіе Контому (и еще болѣе развитую Литтре) іерархизацію объекта, въ чемъ сходится съ Спенсеромъ, который указалъ, что напр. явленія теплоты, относящіяся вслѣдъ за ними въ область физики, никакъ не менѣе общи, нежели явленія тяготѣнія, изучаемыя

Как мало Контъ былъ склоненъ отдавать предпочтенеіе математическому методу, доказывается его отношеніемъ къ Брюстеру. Этотъ извѣстный ученый и историкъ науки былъ однимъ изъ первыхъ мыслителей, до нѣкоторой степени оцѣнившихъ значеніе „Курса положительной философіи“. По появленіи первыхъ томовъ, Брюстеръ написалъ о нихъ рецензію, и не смотря на то, что, какъ физикъ, могъ легче всего оцѣнить слабѣя стороны ученія Конта, отнесся къ его труду весьма сочувственно. Контъ, однако, ни мало не удовлетворялся похвалами Брюстера и даже высказалъ, что этотъ ученый не понималъ основныхъ началъ его философіи. По словамъ Конта, это очевидно изъ мнѣнія критика, будто первые томы составляютъ важнѣйшую часть „Курса“, тогда какъ для самого Конта они служили лишь фундаментомъ, на которомъ онъ нтался воздвигнуть здание социологін. Оправданіемъ Брюстеру можетъ служить то обстоятельство, что мысль о верховенствѣ социологической точки зрѣнія получила у самого Конта полное развитіе лишь въ послѣднихъ томахъ его „Курса“. Первоначально этой мысли, хотя и намѣченной уже въ первомъ томѣ, препятствовала теорія, по которой предшдущіе члены іерархическаго ряда наукъ признавались независимыми отъ послѣдующихъ членовъ; въ концѣ концовъ оказалось, что воздѣйствіе социологін на всю совокупность нашихъ знаній является чрезвычайно могущественнымъ. Сопоставляя напр. нѣкоторыя положенія, высказанныя Контъ относительно наиболѣе абстрактной изъ естественныхъ наукъ—астрономіи, съ социологическими умозрѣніями Конта, мы замѣтимъ, что тѣ и другія не всегда вполне гармонируютъ между собою. Указывая на энциклопедическую фор-

мулу, Контъ говорить во второмъ томѣ своего Курса: „Ясно, что астрономія должна быть, по своей природѣ, существенно независимою отъ всѣхъ прочихъ естественныхъ наукъ, и что ея единственной опорой является математическая наука,—анализъ, геометрія и механика. Физика, а въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ случаяхъ, химія могла доставить астрономіи, когда она достигла высокой степени развитія, необходимую помощь въ дѣлѣ усовершенствованія приемовъ наблюденія; но ясно, что это вспомогательное вліяніе нисколько не было необходимо для установленія астрономіи, какъ науки. Астрономія, безъ сомнѣнія, еще въ рукахъ Гиппарха и его послѣдователей имѣла характеръ настоящей науки, по крайней мѣрѣ съ геометрической точки зрѣнія, тогда какъ физика, химія и проч. были еще глубоко погружены въ метафизическій и даже теологическій хаосъ. Въ новѣйшую эпоху Кеплеръ открылъ свои великіе законы, пользуясь наблюденіями Тихо Браге, произведенными съ помощью тѣхъ же матеріальныхъ средствъ, которыми пользовались древніе греки. Точные инструменты мало способствовали открытію тяготѣнія; наоборотъ, лишь съ этого времени они стали необходимыми для установленія соответствія между теоріей и наблюденіями. Великимъ инструментомъ, который дѣйствительно произвелъ основныя астрономическія открытія, была сначала геометрія, позднѣе—раціональная механика. Итакъ мы считаемъ доказаннымъ положеніе, въ силу котораго астрономія является независимою отъ прочихъ отраслей естествознанія“.

Такъ и поступать люди свѣтлой науки: они изучаютъ книги, памятники, жертвы глѣзъ; и это-то изученіе и составляетъ самой настоящей наукой. Если принять во вниманіе, что Контъ, болѣе чѣмъ польза тому назадъ, утверждалъ, что изученіе неживыхъ тѣлъ проще (а въ этомъ смѣслъ и легче), чѣмъ изученіе живыхъ тѣлъ и если вспомнить, что по Контъ, социологическая точка зрѣнія имѣетъ преимущество передъ всякою иною, то придется сказать, что Л. Н. Толстой едва-ли имѣетъ основаніе утверждать все изреченное выше по поводу классификаціи Конта. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли всегда „выгоднѣе“ читать, о которыхъ говоритъ Л. Толстой, перескакивая съ преполющенія все, что относится къ „культурированію бабъ“, рѣзко лгущее и собакъ, изслѣдованію лѣсъ-дѣней и химическаго состава звѣздъ. Какъ нарочно, относительно „химическаго состава звѣздъ“ Л. Толстой исторично оказывается вполнѣ солидарнымъ съ Контъ, стъ который ужъ вообще, гораздо чаще сходится, чѣмъ можно было-бы думать. Замѣчу, кстати, что взгляды Л. Толстого на ученіе Маркса такъ же соответствуютъ истинѣ, какъ и его воззрѣнія на контъскую классификацію. Л. Толстой утверждаетъ, что Марксъ (Л. Толстой даже не говоритъ марксисты) „принимая существующій строй жизни тамъ, каковы онъ долженъ быть, не только не требуетъ отъ людей перемены этого строя, т. е. не указываетъ имъ на то, какъ они должны жить, чтобы ихъ положеніе улучшилось, но, напротивъ требуетъ продолженія жестокаго существующаго порядка для того, чтобы совершились тѣ—болѣе тѣхъ сомнительныя—предсказанія о томъ, что должно случиться, если люди будутъ продолжать жить такъ же дурно, какъ они живутъ теперь“. Мнѣ кажется, проповѣдникъ теоріи „непротравленія музъ насильемъ“ и „недѣланія“ гораздо болѣе повиненъ въ грѣхъ клеветы, приписываемой имъ Марксу, нежели авторъ „Коммунистическаго Manifesta“.

По этимъ, а частью и по чисто практическимъ соображеніямъ, Контъ ограничилъ область астрономіи почти одною солнечною системою, считая изученіе звѣздныхъ системъ относительно ихъ химическаго состава и даже управляющихъ ими механическихъ законовъ почти или вполнѣ недоступнымъ. Какъ бы то ни было, разсуждая объ астрономіи, Контъ твердо придерживался іерархическаго ряда и лишь мимоходомъ упоминалъ о взаимодѣйствіи. Но развѣ установленіе позитивнаго фазиса астрономіи есть дѣло одной геометріи и механики и развѣ оно не зависѣло отъ развитія самыхъ различныхъ группъ понятій? Было ли мыслимо утвержденіе позитивнаго фазиса астрономической науки, пока господствовала вѣра въ могущество демониическихъ силъ, въ объективную реальность сновидѣній и галлюцинацій и въ непогрѣшимость какихъ-либо духовныхъ или свѣтскихъ авторитетовъ? Развѣ не извѣстенъ случай, когда астроному, открывшему солнечныя пятна, было указано, что объ этихъ пятнахъ нѣтъ ничего у Аристотеля? Развѣ Кеплеру, при всемъ его великомъ умѣ, не послужила помѣхой склонность къ мистицизму и къ суевѣрію, воспрепятствовавшая болѣе правильнымъ взглядамъ на

причины движения планет? Правда и Ньютонъ къ концу жизни, подъ влияніемъ душевнаго растройства, впалъ въ мистицизмъ и занялся толкованіемъ апокалипсиса; но съ тѣхъ поръ онъ уже не создалъ ничего великаго, а въ эпоху созданія „Началь“ былъ менѣе всего склоненъ къ мистицизму, хотя по теологическому предрасудку и остановился въ недоумѣніи передъ вопросомъ о происхожденіи солнечной системы. Такимъ образомъ, исторія науки рѣшительно опровергаетъ мнѣніе Конта о независимости даже такой науки, какова астрономія, отъ группъ понятій, входящихъ въ другія области знанія, напр. въ отвергнутую Контомъ психологію: только первые зачатки научной психологіи, въ связи съ успѣхами всего цикла естественныхъ наукъ, могли подорвать въ корнѣ „теологическій фазисъ“, господствовавшій напр. въ эмпирической астрономіи восточныхъ народовъ и въ средне-вѣковой астрологіи. Въ шестомъ томѣ своего „Курса“, подводитъ итогъ притязаніямъ, съ одной стороны—математики, съ другой—соціологіи, Контъ становится на точку зрѣнія, уже значительно уклоняющуюся отъ понятій, положенныхъ въ основу іерархическаго ряда. Здѣсь онъ прямо ставитъ вопросъ: „Должны ли мы, при окончательной организаціи позитивной системы, отдать рѣшительное предпочтеніе математическому или же соціологическому духу?“ Вопросъ этотъ рѣшенъ Контомъ безповоротно въ пользу соціологіи, и въ этомъ рѣшеніи онъ даже видитъ единственный исходъ для той „прискорбной борьбы“, которая, въпро-долженіи трехъ вѣковъ, ведется между наукой и философійей¹⁾.

Въ то время какъ наука, движимая исключительно математическимъ духомъ, стремилась, по словамъ Конта, къ химерической систематизаціи, философія проявила свое бессиліе въ метафизическихъ возгласахъ по поводу упущенія наукою изъ виду такъ называемой человѣческой точки зрѣнія. „До-тѣхъ-поръ, пока всеобщее развитіе человечества не было сведено къ истиннымъ, естественнымъ законамъ, что (добавляетъ Контъ) было впервые сдѣлано въ моемъ „Курсѣ“¹⁾—духъ новаго времени, прежде всего жадно стремившійся къ позитивности, не могъ внимать протестамъ философовъ, желавшихъ удовлетворить своей жадѣ къ общности; не могъ—по той причинѣ, что эти протесты, не смотря на свою полную законность, неизбѣжно примыкали къ обветшавшей системѣ, которую необходимо было разрушить“. Переходя затѣмъ къ сопоставленію математики къ соціологіи, Контъ видимо сознаетъ формальное противорѣчіе соціологическаго духа съ іерархическимъ рядомъ наукъ и старается устранить всякое подозрѣніе на счетъ слишкомъ низкой оцѣнки философскаго значенія

¹⁾ Контъ не приписывалъ себѣ созданія соціологіи, но считалъ своею заслугой основаніе социальной динамики, т. е. ученія о закономѣрномъ развитіи общества.

математики. Самая необходимость этой оговорки указываетъ на трудность согласовать іерархію наукъ съ господствомъ низшаго изъ членовъ іерархическаго ряда. Контъ указываетъ, правда, что это господство есть лишь идеаль, тогда какъ іерархія наукъ приблизительно соответствуетъ исторіи послѣдовательнаго вступленія тѣхъ или иныхъ наукъ въ фазисъ позитивности; этимъ, однако, устраняется лишь половина трудностей задачи.

По утвержденію Конта, преобладаніе математическаго духа было полезно лишь до тѣхъ поръ, пока происходила борьба между позитивнымъ и теолого-метафизическимъ міросозерцаніемъ. Поэтому Контъ цѣнитъ весьма высоко философію Декарта, который, по его мнѣнію, построилъ всю свою систему на математической основѣ. Но для своей эпохи, когда позитивное міросозерцаніе почти устранило теологическій и метафизическій хламъ, ограниченіе позитивнаго изслѣдованія областю, допускающею примѣненіе одного лишь математическаго метода, Контъ признаетъ необычайно вреднымъ. Уже въ двухъ первыхъ томахъ своего „Курса“ Контъ мимоходомъ указываетъ на „метафизическія опасності“, грозящія отъ чрезмѣрнаго преобладанія математики. Теперь въ своихъ „общихъ выводахъ“, (въ шестомъ томѣ) онъ развиваетъ эту мысль, утверждая, что вторженіе метафизики въ математическія умозрѣнія зависитъ не только отъ ранняго возникновенія математической науки, достигнувшей значительнаго совершенства еще въ эпоху теологическаго метода, но еще болѣе отъ того изолированнаго положенія, которое занимаетъ математическая наука. При этомъ Контъ дѣлаетъ замѣтательное утвержденіе, что „элементарная математическія понятія еще не подверглись достаточной логической реакціи высшихъ“¹⁾ отбѣловъ натуральной философіи, тогда какъ подобная реакція необходима для достиженія ими полной зрѣлости²⁾. Далѣе Контъ указываетъ, въ видѣ примѣра, что одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ положительнаго міросозерцанія, а именно установленіе „относительной точки зрѣнія“ вмѣсто теологическихъ и метафизическихъ абсолютовъ,—этотъ признакъ оказывается до сихъ поръ весьма недостаточно выраженнымъ въ математикѣ, гдѣ чрезмѣрное развитіе технической стороны вычисленій часто прикрываетъ отсутствіе здравыхъ идей и гдѣ нерѣдко замѣчается ребяческое желаніе подставить аргументацію на мѣсто наблюденія. „Наоборотъ, здравая соціологическая умозрѣнія, въ которыхъ историческая точка зрѣнія получаетъ естественное преобладаніе, должны, по своей природѣ, служить наивысшимъ проявленіемъ этого существеннаго attributa

¹⁾ Т. е. на этотъ разъ—ближайшихъ къ соціологіи.

²⁾ Отсюда ясно, что Контъ не воспринялъ бы воздѣйствія на математику напр. психологіи, если бы, вообще, признавалъ самостоятельность этой науки, и ея естественное положеніе между биологіей и соціологіей.

рациональной позитивности⁴. Сверх того, по мнѣнію Конта, спеціальныя занятія математикой мало способствуютъ развитію идеи о неизмѣнности естественныхъ законовъ. Любопытнѣе всего то, что при этомъ Контъ указываетъ на теорію вѣроятностей, какъ на примѣръ уродливаго развитія математическихъ понятій. По его мнѣнію, созданіе этой „поворотной“ науки доказываетъ, что у самыхъ знаменитыхъ математиковъ можно встрѣтить нехлѣбное убѣжденіе, будто всѣ сколько нибудь сложныя явленія не подчиняются никакимъ постояннымъ законамъ, особенно если въ этихъ явленіяхъ замѣтна человѣческая дѣятельность. Такое пониманіе теоріи вѣроятностей можно смѣло назвать непониманіемъ; оправданіемъ Конту могутъ служить тѣ злоупотребленія теоріей вѣроятностей, которыя такъ часто можно было встрѣтить даже у первоклассныхъ математиковъ, какъ напр. у Лапласа¹⁾.

Стараясь установить верховенство социологическаго метода, Контъ утверждаетъ, что самые законы геометріи и механики, особенно въ ихъ связи съ астрономіей, должны подвергнуться социологическому контролю. Что касается физики, здѣсь, по мнѣнію Конта, преобладаніе математики надъ наблюденіемъ и опытомъ породило массу праздныхъ гипотезъ. Наконецъ оказывается, что даже астрономы терпятъ очень многое отъ „нерациональныхъ претензій математиковъ“. Это уже настоящій крестовый походъ противъ математики, трудно согласуемый съ тѣми положеніями перваго и втораго тома „Курса“. Прежде Контъ утверждалъ, что въ астрономіи наблюденія сводятся къ почти автоматическимъ приемамъ и что истиннымъ орудіемъ этой науки является математика; теперь онъ окончательно побиваетъ математиковъ, говоря, что они имѣютъ крайне преувеличенныя понятія о возможности предсказывать явленія, слишкомъ мало изученныя ими. Безъ сомнѣнія, говоритъ Контъ, „планъ философіи, основанной на математикѣ, вскорѣ будетъ признанъ метафизической утопіей; впрочемъ невозможность выполненія подобнаго плана не разъ уже обнаруживалась на опытѣ“.

Отвернувъ на этотъ разъ математическую точку зрѣнія, дае какъ основу положительной философіи, Контъ переходитъ къ рациональному обоснованію социологической точки зрѣнія. Математическая философія, по словамъ Конта, — особенно если къ ней присоединить философію астрономіи, составляющую, въ строгомъ смыслѣ, наивысшее проявленіе математики, — эта философія имѣетъ значеніе по необычайной общности своихъ законовъ, распространяющихся на всѣ естественныя явленія. Но съ другой стороны, социологическая философія, къ которой Контъ на этотъ разъ при-

соединяетъ и философію биологіи, стремится къ господству, представляя собою наивысшее выраженіе позитивнаго метода. „Дѣйствительно, говоритъ Контъ, всѣ наши умозрѣнія могутъ вѣдь быть разсматриваемы, какъ необходимые результаты умственной эволюціи человѣчества“.

Развитіе положительнаго метода, по Конту, нельзя считать завершившимся, пока онъ не будетъ примѣненъ къ изученію человѣчества. Эта область изслѣдованія представляетъ, однако, конечную цѣль нашихъ научныхъ работъ. Но *человѣческая точка зрѣнія*, говоритъ Контъ, въ сущности тождественна съ *соціальной*. Здѣсь мы приближаемся къ завершенію системы Конта, послужившему, въ то же время, исходнымъ пунктомъ для его позднѣйшихъ „субъективныхъ“ умозрѣній. Зачатки „Субъективнаго синтеза“ и „Позитивной политики“ скрываются уже въ шестомъ томѣ „Курса положительной философіи“¹⁾.

Главный недостатокъ социологическихъ умозрѣній Конта въ его „Курсѣ“ состоитъ именно въ томъ, что субъективная точка зрѣнія здѣсь постоянно смѣшивается съ объективнымъ методомъ. Такъ, едва-ли возможно послѣдовать за Контомъ, когда онъ старается выяснить логическія преимущества социологіи; но его мысли вполне основательны, пока рѣчь идетъ о моральныхъ и даже эстетическихъ преимуществахъ, вытекающихъ не изъ метода изслѣдованія, а изъ нашего отношенія къ человѣческой личности и къ тѣмъ или инымъ общественнымъ группамъ и ихъ интересамъ. Не менѣе трудно согласиться съ Контомъ, когда онъ пытается установить яко-бы объективныя границы изслѣдованія вселенной; но мы вполне согласны съ нимъ, что главнымъ побудительнымъ средствомъ и конечной цѣлью всякой умственной дѣятельности всегда было и будетъ человѣческое счастье низшаго или высшаго разряда, индивидуальное или коллективное. Въ позднѣйшее время, попытки Конта установить границы науки приняли откровенно-субъективный характеръ: въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ онъ взялъ на себя задачу рѣшить въ мельчайшихъ подробностяхъ, какія знанія полезны или бесполезны для человѣческаго счастья, причемъ дошелъ до солидарности со святой инквизиціей, совѣтуя упразднить всѣ книги, казавшіяся ему вредными или бесполезными. Но даже въ эпоху полнаго умственнаго здоровья, Контъ слишкомъ смѣло и совершенно догматически рѣшалъ вопросы о безопасности тѣхъ или иныхъ чисто научныхъ изслѣдованій. Въ своемъ „Общемъ обзорѣ результатовъ, образующихъ основу позитивной философіи“, Контъ говоритъ о томъ же вопросѣ, съ болѣе объективной точки зрѣнія: „Су-

¹⁾ Сравни мою брошюру: *Элементарная теорія вѣроятностей*, заключительныя замѣчанія.

¹⁾ Сравни мою уже цитированную статью: *Социологическія идеи Конта*, вѣстн. журн. Вѣстн. 1888 г.

ществует необходимая гармония между нашими реальными познаниями и нашими действительными потребностями. Знания, недоступная для нас, оказываются, вместе с тем, знаниями результатов, нигде не годных, за исключением удовлетворения праздного любопытства. Мы не должны изучать какие бы то ни было законы, за исключением тех, которые относятся к явлениям, способным оказать на человечество какое бы то ни было влияние; но подобное влияние, хотя бы оно имело косвенный характер, дает всегда основание для позитивной постановки вопроса¹⁾. „Совокупность наших исследований должна включать, по-первых, самое человечество... затем, среду, в которой совершается ход человеческой эволюции“. Контэ указал при этом на наиболее экономический способ пользования человеческими способностями, требуя известного компромисса между духом специализации и духом общности; это вполне законное требование еще весьма далеко от тех грубо-субъективных требований, в которых он пришел в конце своей жизни. Однако в „Курсе“ мы постоянно видим у Конта смешение объективного мифа с субъективным, вследствие чего он придает теории, по сравнению с практикой, то слишком широкое, то чрезвычайно узкое значение. Не странно-ли противоречие, в которое впадает Контэ, считая благо человечества конечной целью науки и умственный прогресс основой всякого благополучия, и в то же время полагая, что класс теоретиков должен быть резко ограничен от класса практиков и пользоваться во общественных делах лишь совещательным голосом. Как это ни обидно, но придется сказать, что субъективизм Конта выразился прежде всего в перенесении своих личных отношений — в семье и в Политехнической школе — в область теории. Ограниченный житейский опыт, вынесенный им из отношений к ж-не Контэ, заставил философа относиться к женщинам, как к неравным по человеческому достоинству — подобно тому, как поздние любовь к Клотильде привела его к мистическому обоготворению женщин. Не менее узкий опыт, вынесенный из интриг в Политехнической школе, привел Конта к убеждению, что господство ученых было бы опасной педантской кратией; а при полном незнании с какими-либо иными общественными сферами, Контэ не имел иного выбора, кроме следования идеям Сен-Симона, при чем фактическое преобладание буржуазии было им представлено под видом гармонии интересов всех промышленных классов. События 1848 года могли бы

¹⁾ Из этого ясно, что Контэ предвосхищал почти все, что есть основательного во утверждениях об „антропологической точке зрения“ и о „субъективных методах“ — с одной стороны, у наших социологов-субъективистов, — с другой у Л. Толстого; все же, что у них есть неосновательного, было, в утробном виде, высказано Контэ в его сочинениях позднейшего периода.

несколько повлиять на воззрения Конта, если бы в то время он сохранил все свои умственные способности¹⁾.

Указав на узко-биографическое основание некоторых „субъективных“ элементов социологии Конта, мы не желаем этим сказать, чтобы субъективизм, поскольку он проявляется в „Курсе“ положительной философии, имел лишь это, чисто „личное“ основание. Социологическая или, если угодно, антропологическая точка зрения, развитая Контэ в ее особенности в последних томах его „Курса“, является в его системе не случайностью, но неизбежным результатом отсутствия какого-либо иного объединяющего начала. „Курс положительной философии“ остался бы научно-философской энциклопедией, обработанной порознь „философии“ или „общия основания“ каждой из шести „абстрактных“ наук с преобладанием тех или иных методов в каждой из них, если бы в социологической точке зрения не было дано общего связующего элемента. Полная непригодность математики для подобной объединяющей роли не ускользнула от Конта. Естественно было, поэтому, обратить внимание на противоположный конец иерархического ряда, на социологию; не менее естественно было связать эту наиболее „конкретную“ из шести основных наук с непосредственной практической деятельностью человека. Но и сама практическая деятельность, отношение человека к так называемым „проявлениям“ вопроса, а также этическая оценка тех или иных событий индивидуальной и коллективной деятельности — все это не дозволяет уже того вполне безстрастного отношения, того отсутствия хвалы и порицания, которое казалось Контэ, а в еще большей мере некоторым его последователям, наиболее характерным признаком научного объективизма.

Является, однако, вопрос, представлялась-ли для Конта необходимостью лишь существенного дополнения его метода, какое мы находим уже в его „Курсе“ или же была необходима радикальная ломка позитивного метода, какую мы встречаем в его позднейших, полу-патологических произведениях? Чтобы дать ответ на этот вопрос, надо напомнить, в общих чертах, результаты, к которым привела Конта его социологическая точка зрения еще в „Курсе“ положительной философии²⁾.

Общезвестно отрицательное отношение Конта к психологии, за которое он отрицал всякие права самостоятельной науки, признавая научным лишь анатомическое и физиологическое иссле-

¹⁾ Сомнительно, однако, чтобы Контэ и при более благоприятных условиях был способен вполне оценить значение событий 1848 года. Его отращивание к революционным тенденциям, подобное тому, что претерпевало и не одна сильная любовь, заставила Конта предпочесть бездарные вирши и повести Клотильды произведению Жюль-Зань, к которым уже интел, чувство, близкое к негодованию.

дование мозга. Въ первомъ томѣ „Курса“ Контъ пытается доказать полную несостоятельность „созданнаго метафизиками“ метода внутренняго наблюденія. Онъ спрашиваетъ: кто въ этомъ случаѣ будетъ наблюдателемъ? Можно наблюдать влияние собственныхъ страстей, но и эти наблюденія гораздо менѣе цѣнны, чѣмъ тѣ, которыя произведены нами надъ другими людьми; что же касается внутренняго наблюденія *умственныхъ* явленій въ самый моментъ ихъ происхожденія, Контъ считаетъ такое наблюденіе прямо невозможнымъ, такъ какъ, по его словамъ, мыслящая личность не можетъ раздвоиться такимъ образомъ, что одна ея часть будетъ мыслить, а другая—наблюдать мышленіе¹⁾).

Эти воззрѣнія Конта на психологію въ значительной мѣрѣ повліяли и на его отношеніе къ различнымъ метафизическимъ школамъ. Въ шестомъ томѣ, въ главѣ „объ успѣхахъ философіи за послѣднія 50 лѣтъ“, Контъ говоритъ, что новѣйшая метафизика во многихъ отношеніяхъ примыкаетъ къ прежнимъ, теолого-метафизическимъ ученіямъ, разсатривавшимъ ученіе о человѣкѣ, особенно объ его умственной и моральной сторонѣ, какъ совершенно независимое отъ ученія о вѣнншемъ мірѣ. Въ то время какъ наука, освобожденная отъ опеки метафизики, все болѣе развиваетъ чудесную силу позитивнаго метода, метафизики стремятся догматически установить первенство нравственныхъ умозрѣній. Для этого, по словамъ Конта, было достаточно выдумать пресловутое внутреннее наблюденіе, параллельно истинному наблюденію, всегда по необходимости вѣнншему.

Изъ этихъ разсужденій Конта очевидно, что въ своемъ „Курсѣ“ онъ ни на минуту не помышлялъ объ установленіи *двухъ* методовъ изслѣдованія нравственныхъ и умственныхъ явленій; отсюда уже ясно, что и въ области соціологіи онъ не допускалъ двухъ параллельныхъ методовъ, и господство соціологическаго духа въ его системѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать какъ провозглашеніе „верховенства субъективнаго метода“.

Господство соціологіи въ ученіи Конта является послѣдствіемъ единства общей цѣли всѣхъ наукъ. Въ первомъ томѣ „Курса“ Контъ выставилъ, какъ *идеалъ* научнаго объясненія, изображение всѣхъ явленій, какъ особыхъ случаевъ одного общаго

¹⁾ Контъ указываетъ изъ виду возможность воспроизведенія въ памяти прежнихъ умственныхъ состояній, никакъ не устанавливая нашей способности воспроизводить, аналогичнымъ образомъ, какъ прежнія, текущія волненія и страсти. Однако, многое изъ нихъ сказаннаго о самонаблюденіи могло бы быть повторено и теперь, въ томъ смыслѣ, что немателогическое самонаблюденіе имѣетъ такое-же малое научное значеніе, какъ и всякое наивное мышленіе. Методическое же самонаблюденіе не возможно безъ содѣйствія чисто объективныхъ методовъ изслѣдованія, въ чемъ убѣждаетъ ознакомленіе съ приемами новѣйшей экспериментальной психологіи.

факта, причемъ (правда, лишь въ видѣ прилѣбра) указалъ на тяготивіе.

Но такое объединеніе, напоминающее знаменитую мировую формулу Лапласа, Контъ вовсе не считалъ исчерпывающимъ задачей философіи. Единство цѣлей науки онъ ставилъ еще выше, видя его въ отнесеніи всѣхъ объектовъ науки къ благу человечества. Въ этой мысли, подробно развитой Контомъ въ VI томѣ, нельзя, однако, усмотрѣть обоснованія субъективнаго метода: съ точки зрѣнія Конта, соціологія есть объективная наука, ставящая себѣ задачей видѣть, чтобы предвидѣть. Смыслъ утвержденій Конта тотъ, что сама наука есть *соціальное* явленіе. Уже въ первомъ томѣ онъ замѣчаетъ, что, даже по содержанию, науку часто можно понять, лишь зная соціальную организацію данной эпохи; тѣмъ болѣе, ея цѣлю должно быть общество или, допуская все большее и большее объединеніе общественныхъ группъ, все человечество. Такимъ образомъ „изученіе человечества есть единственное по истинѣ конечное изслѣдованіе“¹⁾).

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ шестого тома Контъ высказываетъ мысль, что со временемъ придется еще разъ переработать всѣ вообще науки въ соціологическомъ духѣ, т. е. имѣя въ виду все человечество. Контъ замѣчаетъ, что его собственной жизни едва ли хватитъ на такую переработку и что онъ возьметъ на себя лишь обработку, въ этомъ смыслѣ, математики и политики. Такую обработку всѣхъ областей знанія въ духѣ соціологіи Контъ считалъ необходимымъ дополненіемъ и завершеніемъ своей системы, такъ какъ наука, не подчиненная соціологіи, неспособна достигъ „истинной всеобщности“, т. е. стать вполне философской. И только соціологическій духъ способенъ, по мнѣнію Конта, окончательно ниспровергнуть метафизическіе абсолюты, доставивъ философіи въ высшей степени относительную точку зрѣнія, указавъ на законы умственнаго развитія и на соотвѣтствіе совокупности нашихъ мыслей тому или иному общественному состоянію.

Если бы Контъ подробно развилъ эту мысль, если бы онъ изучилъ связь между умственными развитіемъ и соотвѣстными социальными пережвѣнами болѣе полно, чѣмъ это сдѣлано въ его соціальной динамикѣ, то онъ, дѣйствительно, былъ бы тѣмъ, чѣмъ его считаетъ Вундтъ, а именно предшественникомъ „материалистическаго пониманія исторіи“²⁾. Но на самомъ дѣлѣ взглядъ Конта на отношеніе матеріальной стороны общественной жизни къ умственнымъ теченіямъ страдаетъ неопредѣленностью и противорѣчливости. Въ пятomъ томѣ онъ возстаетъ напр. противъ „чудовищной пред-

¹⁾ L'étude de l'humanité est la seule étude vraiment finale, какъ сказано въ VI томѣ (стр. 670, Париж, 1869).

²⁾ Wundt, Logik, 2 Aufl. II. S. 284.

злѣности взглядовъ", относящей всѣ событія въ жизни члвчества къ тому, что онъ называлъ свѣтскою (temporel) точкою зрѣнія; Контъ видитъ даже въ этомъ преобладаніи „свѣтской“ точки зрѣнія одинъ изъ главныхъ признаковъ антипатичной ему революціонной метафизики. Величайшею изъ революцій въ области производства или, по терминологіи Конта, „важнѣйшею переѣмбной матеріальной режима“ Контъ считаетъ земледѣліе. Но эта великая свѣтская революція (révolution temporelle) является, по Конту, лишь результатомъ „основнаго вмѣшательства духовныхъ вліяній“ (des influences spirituelles). Можно, однако, привести цитаты, изъ которыхъ видно, что Контъ усматривалъ извѣстную послѣдовательность, восходящую отъ практическихъ или промышленныхъ импульсовъ къ эстетическимъ, а отъ этихъ послѣднихъ къ научнымъ и философскимъ¹⁾; однако онъ признавалъ эту послѣдовательность возможною и въ обратномъ порядкѣ. Единственный случай, когда Контъ, дѣйствительно, приблизился къ матеріалистическому пониманію исторіи, это его обсужденіе исхода средневѣковой эпохи: здѣсь Контъ, какъ справедливо подчеркнуто Бартомъ²⁾, оставляетъ въ сторонѣ свой обычный методъ, состоящій въ выводѣ социальнаго прогресса изъ умственнаго развитія и указываетъ на существованіе четырехъ рядовъ—промышленнаго, эстетическаго, научнаго и философскаго. При этомъ Контъ призналъ первый изъ рядовъ независимымъ, а три послѣдующіе—производными: здѣсь несомнѣнно значительное приближеніе къ основной идѣ социальнаго матеріализма. Но въ этомъ воззрѣніи Конта нѣтъ достаточной цѣлности: по его теоріи выходитъ, что какъ въ началѣ развитія, такъ и въ эпоху полной зрѣлости, т. е. при окончательномъ торжествѣ позитивизма, умственное развитіе господствуетъ надъ матеріальнымъ, тогда какъ въ промежуточную эпоху первое является, если примѣнить терминологию Маркса, лишь надстройкою надъ послѣднимъ.

Болѣе определенное положеніе занимаетъ Контъ по вопросу объ отношеніи между умственнымъ развитіемъ и другими психическими, такъ наз., факторами социальнѣй эволюціи; однако, и въ этомъ отношеніи ученіе Конта не свободѣ отъ противорѣчій и, во всякомъ случаѣ, страдаетъ неполнотою. Такъ, оппозиція противъ метафизики, избравшей, по словамъ Конта, почти единственными предметомъ своихъ умозрѣній разумъ и пренебрегающей чувствами и страстями, приводитъ Конта (въ т. III его Курса) къ замѣчательному утвержденію, мало гармонирующему съ его со-

ціальнѣй динамикѣ и гораздо болѣе согласному съ его позднѣйшими экскурсіями въ область чувства. „Ежедневный опытъ, говорить здѣсь Контъ, несомнѣнно доказываетъ, что главными двигателями члвчческой жизни являются привязанности, склонности, страсти, и въ то же время, онъ нисколько не происходитъ отъ разума“; ихъ самопроизвольные и непрерывнаго развитія различныя умственныхъ способностей, указывая на постоянную цѣль, безъ которой, помимо необходимой неопредѣленности общаго на правленія, онъ остался бы у болѣе части людей въ состояніи спячки. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наимѣне благо родныя, наиболѣе скотскія склонности обыкновенно въ то же время и самыя энергичныя и, слѣдовательно, наиболѣе могущественныя“. При самомъ построеніи зданія социологіи, Контъ нѣрѣдко подчеркиваетъ могущественное значеніе безсознательныхъ склонностей, инстинктовъ и другихъ нерациональныхъ психическихъ факторовъ, хотя и придаетъ ему второстепенное значеніе по сравненію съ постепеннымъ захватомъ интеллектуальными силами области страстей. Среди второстепенныхъ элементовъ, однимъ изъ важнѣйшихъ Контъ считаетъ явленіе скуки, или угнетенія, зависащаго отъ недостатка упражненія высоко-развитыхъ органовъ. Но каковы бы ни были эти частныя положенія и оговорки Конта, въ общемъ остается несомнѣннымъ, что для него умственный прогрессъ являлся основою всего, вообще, социальнаго развитія³⁾. И въ этомъ, а никакъ не въ „отсутствіи субъективнаго метода“, слѣдуетъ видѣть основной недостатокъ социологіи Конта, въ которой отсутствуетъ сколько-нибудь послѣдовательное и научно-доказанное обоснованіе зависимости прочихъ „рядовъ“ (напр. промышленнаго) отъ основнаго умственнаго ряда,—если не считать такимъ доказательствомъ указаніе связи между теологіей и военнымъ строемъ и между позитивизмомъ и индустріей⁴⁾.

Этимъ мы закончили наше обзорнѣе ученія Конта. Обратимся къ вопросу, можетъ-ли новѣйшее развитіе философіи считаться развитіемъ его идей, или же оно приняло совсѣмъ иное направленіе? Вопросъ тѣмъ болѣе умственъ, что эпоха безусловнаго увлеченія Контомъ, какъ и огульнаго осужденія его взглядовъ, теперь миновала и наступило время безпристрастной историческоя оцѣнки.

¹⁾ Сказанное въ текстѣ обнаруживаетъ, однако, односторонность воззрѣнія, направленной противъ Конта Сенсеромъ, который противопоставилъ утвержденію Конта, относящемуся къ умственному прогрессу, свое категорическое утвержденіе, что члвчествомъ управляютъ чувства, страсти и характеры. Странно, что позитивизмъ члвчества опровергнулъ Сенсера, ссылаясь на позднѣйшія умозрѣнія Конта, тогда какъ они могли найти въ самомъ «Курсѣ» положеніа, ограничивающія оспариваемую Сенсеромъ доктрину.

²⁾ Связь эта указываетъ у Конта изъ его общей теоріи согласованія (consensus) разнѣхъ функцій общественнаго организма.

³⁾ Cours, VI, 57, третьяго изд.
⁴⁾ P. Barth, Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, Leipz. 1897, S. 41.
У этого автора вообще можно найти удачное сопоставленіе руководящихъ идей социологіи Конта.

Утверждая это, мы вовсе не хотим сказать, чтобы и теперь не было людей, мнящих себя философами и в то же время относящихся к Конту приблизительно так, как относились к картю звѣздного неба школьник, который в пять минут возвратил ее в исправленном видѣ.

Обращаясь напр., къ статьямъ А. Козлова¹⁾ и узнавъ изъ нихъ, что „позитивизмъ является подъ слѣд. именами: „сенсуализмъ, скептицизмъ, эмпиризмъ, критицизмъ, антропологизмъ, фепоменизмъ, эволюционизмъ“ — мы начинаемъ уже испытывать нѣкоторое недоверіе къ критическимъ способностямъ автора. Читая далѣе, что позитивисты „спеціально отвергаютъ учение о духѣ вообще и особенно о Богѣ, душѣ или намѣшъ я“ — мы имѣемъ основаніе подозрѣвать, не смѣшивавъ-ли г. Козловъ позитивизмъ съ атеизмомъ, а узнавъ отъ него, что позитивизмъ отвергаетъ атомы (что справедливо, да и то условно, относительно Конта) мы невольно ставимъ вопросъ, неужели такое отрицаніе атомовъ свойственно всѣмъ последователямъ сенсуализма и эмпиризма? Далѣе мы читаемъ, что Контъ задался попыткой уничтожить философію, какъ науку, и что попытка эта „представляетъ своего рода преступное покушеніе на оскорбленіе величества самого мыслящаго и философскаго разума“; находимъ также замѣчанія, съ претензіей на остроуміе, вродѣ того, что Контъ имѣлъ наивное представленіе о знаніяхъ: они, подобно матеріальнымъ вещамъ, яко-бы существуютъ отдѣльно отъ актовъ мысли, какъ бы въ разныхъ хранилищахъ, каковы книги, музеи и наконецъ мозги ученыхъ. Читая все это, мы предлагаемъ вопросъ: серьезно-ли писать авторъ о Контѣ или же онъ, если „изучалъ“ Конта, то безъ всякой способности пониманія? Чѣмъ инымъ объяснить напр., утвержденіе А. Козлова, что философія Конта есть не что иное, какъ „примитивнейшая... попытка съ корнемъ уничтожить настоящую философію... противопоставляя ей *энциклопедію* сложившихся исторически наукъ, искусственно и произвольно связанныхъ“. Можно утверждать съ основаніемъ, что Контъ не достигъ своей цѣли—объединенія наукъ посредствомъ социологіи, но увѣрить, что Контъ ничего и не пытался дать, кромѣ произвольно спитой энциклопедіи, значитъ ровно ничего не понять въ ученіи Конта и въ его реформаторской роли²⁾.

Серьезная критика ученія Конта была въ нашей литературѣ дана тридцать лѣтъ тому назадъ въ первый разъ П. Лавровымъ.

¹⁾ Вопросы философіи, 1892 г. книга 15-ая, „Позитивизмъ Конта“.

²⁾ Въ болѣе или менѣе яркимъ замѣчаніямъ А. Козлова о Контѣ замѣтно, какъ у Милля, Лессюпа и пр. все же прибавленное А. Козловымъ отъ себя, по качеству не превосходитъ сужденій, повторенныхъ въ текстѣ. Въ одномъ изъ примѣчаній, А. Козловъ замѣчаетъ, что онъ вовсе не хочетъ „нанести ущербъ силамъ и способностямъ Конта“. Мы полагаемъ, что подобная „критика“ никогда еще не наносила „ущербъ силамъ и способностямъ“ гениальнаго мыслителя, каковыя несомнѣнно были Конта.

Эта критика представляетъ интересъ уже потому, что послужила основою всей такъ наз. субъективной социологіи, породившей столько недоразумѣній въ нашей литературѣ, — недоразумѣній, въ которыхъ П. Л. гораздо менѣе повиненъ, чѣмъ его продолжатели, односторонне развившіе понятіе о „субъективной методѣ“.

По опредѣленію П. Л., „объективно то, что подлежитъ во всѣхъ частностяхъ проверкѣ нѣсколькихъ изслѣдователей. Субъективно то, что можетъ быть проверено лишь одною личностью“. Отсюда П. Л. выводитъ существованіе двухъ методовъ, изъ которыхъ одинъ—объективный—даетъ возможность проверки устанавливаемой истины и способовъ доказательства—каждому, кто одаренъ достаточными знаніемъ и орудіями; субъективный методъ употребляется тамъ, гдѣ самое явленіе доступно одному лишь наблюдателю. Далѣе, однако, П. Л. поясняетъ, что субъективный методъ можетъ научно употребляться въ томъ случаѣ, „если только значительное число наблюдателей, критически развитыхъ и способныхъ къ научному наблюденію, могутъ, каждый отдѣльно, воспринять аналогическія явленія“. Это въ высшей степени существенное дополненіе не только ограничиваетъ всякій субъективный произволъ, но, въ сущности, почти до неразличимости сглаживаетъ границы между объективнымъ методомъ и тѣмъ, которому П. Л. придаетъ названіе субъективнаго. Въдѣ всякое вообще явленіе доступно, въ строгомъ смыслѣ слова, каждому наблюдателю „отдѣльно“ и проверка истины многими наблюдателями, при примѣненіи объективнаго метода, точно также основана на предположеніи, что различные наблюдатели, каждый отдѣльно, воспринимаютъ аналогичныя явленія. Прихригъ, приводимые П. Л., подтверждаютъ это до очевидности. Тѣплота, свѣтъ, цѣбта, звукъ, говорять онъ, суть явленія субъективныя, и методъ изслѣдованія теплоты сдѣлался объективнымъ лишь когда термометръ и др. приборы позволили свести изученіе теплоты на изученіе „объективныхъ“ явленій „протяженія, вѣса, движенія, испаренія, замерзанія“. Если даже отбросить испареніе и замерзаніе, которыхъ мы не можемъ наблюдать независимо отъ „субъективныхъ явленій“ теплоты, свѣта, звука, цѣбта и т. п., и ограничиться протяженіемъ, вѣсомъ и движеніемъ, то условность опредѣленій П. Л. станетъ очевидною. Въ чѣмъ состоитъ „объективность“ протяженія, по сравнению съ „субъективностью“ теплоты? Въ томъ-ли, что теплота явленіе менѣе общее, чѣмъ протяженіе? Но теплота есть общее свойство всѣхъ доступныхъ нашему наблюденію тѣлъ. Въ томъ-ли, что теплота воспринимается кожей черезъ посредство нервовъ, бытъ можетъ отличающихся отъ тѣхъ, которыми воспринимается форма предмета? Или въ томъ, что воспріятія про-

странства менѣ подвержены (хотя и не всегда) разнымъ иллюзіямъ? Или, наконецъ, въ томъ, что отчетливость различія разстояній и направленій и совокупная работа зрѣнія, осязанія и мускульнаго чувства дѣлаютъ протяженныя величины гораздо болѣе доступными точному количественному измѣренію, нежели тѣ или инныя разности температуры, опредѣляемыя непосредственно тепловыми ощущеніями? Очевидно, что лишь это послѣднее мѣрило „объективности“ имѣетъ научное значеніе, но не менѣе очевидно вся его относительность. Измѣреніе температуры термометромъ, по сравненію съ измѣреніемъ ея на оупу рукой, лишь по столько „объективно“, поскольку оно является переводомъ неопредѣленныхъ, колеблющихся у разныхъ наблюдателей, и даже у одного и того же наблюдателя, ощущеній, на языкъ тѣхъ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, которыя складываются въ пространственныя воспріятія, гораздо болѣе однообразныя у одного и того же и даже у многихъ наблюдателей. Когда, поэтому, П. Л. говоритъ далѣе, что еще до существованія термометровъ „субъективное“ изслѣдованіе теплоты могло быть научнымъ, то забываетъ добавитъ: „поскольку это субъективное изслѣдованіе приближалось къ требованію объективности“. Такъ, если опытный врачъ уже на оупу приблизительно опредѣляетъ температуру больного, то это лишь означаетъ, что его тепловые ощущенія, вслѣдствіе упражненія, приобрѣли извѣстную устойчивость и точность, приближающую ихъ къ тѣмъ зрительнымъ и инымъ ощущеніямъ, изъ которыхъ складается воспріятіе разстоянія между послѣдовательными дѣвленіями шкалы термометра. Обратный примѣръ представляютъ ощущенія, имѣющія патологическій характеръ, и представленія наиболѣе удаляющіяся отъ требованія объективности, какъ напримѣръ, подверженныхъ галлюцинаціямъ, сумасшедшихъ, пьяныхъ и т. п.

Оказывается, такимъ образомъ, что у П. Л. различіе между объективнымъ и субъективнымъ методомъ вовсе не устанавливаетъ двухъ различныхъ „методовъ“. Разъ „субъективный методъ“ обставленъ такими требованіями, какова возможность воспріятія аналогичныхъ явленій „значительнымъ числомъ наблюдателей“, да еще „критически развитыхъ и способныхъ къ научному наблюденію“, то такой методъ ровно ничѣмъ не отличается отъ объективнаго метода, требующаго, чтобы „изслѣдуемыя явленія доступны были проверкѣ всякаго, кто одаренъ достаточнымъ знаніемъ и надлежащими орудіями для полученія воспріятій“.

Единственная почва, на которой еще можно было попытаться отстоять теорію двухъ методовъ, это почва этической оцѣнки и практической дѣятельности. Эта попытка была сдѣлана П. Л.

и Н. Михайловскимъ, но, въ свою очередь, не привела къ тому, что требовалось доказать.

Поставивъ вопросъ о примѣненіи „субъективнаго метода“ въ этикѣ, социологій и политикѣ, П. Л. утверждаетъ, что объективный элементъ въ этой области ограничивается описаніемъ и классифицированіемъ. Но чтобы *монять* человѣческую дѣятельность „надо рассмотреть *цѣли*, для которыхъ дѣйствія личности составляютъ лишь средства—*цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, *цѣли*, которыя вызвали историческія событія. Но что такое *цѣль*? Это нѣчто желаемое, пріятное, полезное, должное. Всѣ эти категоріи чисто субъективны и въ тоже время доступны всѣмъ личностямъ. Слѣдовательно, входя въ изслѣдованіе, эти явленія принуждаютъ употребить субъективный методъ и въ тоже время позволяютъ это сдѣлать вполне научно“.

Здѣсь остается не вполне яснымъ, что означаетъ доступность указанныхъ субъективныхъ категорій всѣмъ личностямъ? Конечно, всякая личность ставить себѣ *цѣли* и стремится къ ихъ достиженію,—Сократъ наравнѣ съ Акивиадомъ, Маркъ Аврелій наравнѣ съ Калигулою. Но спрашивается, какія изъ этихъ *цѣлей* и стремленій могутъ послужить обоснованіемъ субъективнаго „метода“, т. е. научнаго орудія изслѣдованія? Слѣдуетъ ли и здѣсь принять извѣстное уже намъ ограниченіе, т. е. допустить, что для научнаго примѣненія субъективнаго „метода“ необходимо, чтобы явленія воспринимались не первымъ встрѣчнымъ, а „значительнымъ числомъ наблюдателей, критически развитыхъ и способныхъ къ научному наблюденію“? Изъ общаго направленія статьи П. Л. и изъ другихъ работъ того-же мыслителя ясно, что онъ, говоря о „субъективномъ методѣ“ въ социологій, именно подразумѣвалъ отношеніе къ тѣмъ или инымъ социальнымъ явленіямъ не толпы, и не Нероновъ и Калигулъ, а „критически развитыхъ личностей“. Если бы П. Л. сдѣлалъ шагъ далѣе и замѣтилъ, что отношеніе къ социальнымъ явленіямъ обуславливается, прежде всего, положеніемъ, принятымъ тѣмъ или инымъ изслѣдователемъ по отношенію къ интересамъ и стремленіямъ тѣхъ или иныхъ социальныхъ группъ, то усмотрѣлъ бы, что требованіе! „критической развитости“ приводится къ требованію усвоенія *идеаловъ* той или иной группы. Наблюдатель, обладающій весьма значительными знаніями и полной добросовѣстностью, можетъ, тѣмъ не менѣе, обнаружить извѣстную узость горизонта единственно въ силу своего сознательнаго или безсознательнаго служенія интересамъ той или иной общественной группы. Такъ, въ современномъ обществѣ, экономистъ и социологъ, относящійся къ событіямъ съ точки зрѣнія мѣщанскихъ интересовъ (т. е. мелкаго капитализма) или хотя бы съ точки зрѣнія крестьянскихъ общинныхъ идеаловъ, по необхо-

димости обреченъ на односторонность, какъ бы ни были превосходны его умственные и нравственные качества. Степень „критическаго развитія“ того или иного социолога нашего времени имѣетъ, поэтому, въ числѣ прочихъ объективныхъ признаковъ (умѣнье обращаться съ фактами и т. п.), еще и тотъ, поскольку и въ какомъ смыслѣ этотъ социологъ относится положительно или отрицательно къ великому социальному движенію нашего вѣка, т. е. къ борьбѣ пролетаріата съ господствомъ капитализма.

Напротивъ того, всякая попытка обосновать оцѣнку общественныхъ явленій на чисто субъективныхъ началахъ, возведенныхъ въ рангъ особаго метода, неминуемо оказывается неудачной, въ чемъ убѣждаетъ примѣръ даже такого сильнаго мыслителя, каковъ П. Л. Присмотримся къ его обоснованію.

П. Л. указываетъ на различіе между практическими и теоретическими вопросами и, какъ слѣдовало ожидать, неизбежно касается пресловутаго вопроса о произвольности человѣческихъ дѣйствій. Сравнивая движеніе ядра съ произвольнымъ выборомъ пути направо или нѣлѣво, онъ говоритъ: „конечно, съ точки зрѣнія весьма многихъ теорій, въ сравниваемыхъ случаяхъ разницы нѣтъ“. Но эти теоріи, имѣющіе или спиритуалистическую или материалистическую окраску, очевидно ему антипатичны и признаются имъ метафизическими.

„Научно, по словамъ П. Л., можно признать лишь фактъ сознанія произвольности въ постановкѣ цѣлей, въ выборѣ между побужденіями и цѣлями, оставая метафизичъ вопросъ—призрачно ли сознаніе или нѣтъ. Позитивная философія не имѣетъ права выкинуть изъ своего разсмотрѣнія фактъ, доступный всеобщему наблюденію, не имѣетъ права оставить фактъ, какъ онъ воспринимается, въ сторонѣ, чтобы искать ему объясненія въ недоступной области. Произвольный выборъ побужденій и цѣлей—всеобщій, слѣдовательно научный фактъ субъективнаго наблюденія, и позитивизмъ обязанъ изучать связь побужденій съ дѣйствіями, какъ произвольную; слѣдовательно, обязанъ допускать критику побужденій и цѣлей, какъ она представляется сознанію, т. е. какъ критику для произвольнаго выбора... Метафизически можно разсматривать будущія дѣйствія личности и событія исторіи лишь какъ неизбѣжныя слѣдствія. Позитивно будущее человѣка и общества опредѣляется произвольнымъ выборомъ между побужденіями и цѣлями, при ограниченіи этого выбора условіями, насколько эти условія могутъ быть провѣрены наукою“.

Отвѣтить на эту критику не трудно. Позитивизмъ Конта, совершенно игнорировавшій теорію познанія, былъ бы поставленъ въ нѣсколько затруднительное положеніе, если бы ему предложить вопросъ, какая роль принадлежитъ въ его системѣ человѣ-

ческимъ цѣлямъ и произвольному выбору; ему, дѣйствительно, пришлось бы удовлетвориться эмпирическимъ фактомъ сознанія свободы выбора и не менѣе эмпирическими законами, вродѣ тѣхъ, которые открываетъ статистика и которые приведены напр. Боклемъ, съ цѣлью устранить метафизическій вопросъ о свободѣ воли. Но изслѣдованіе нашей познавательной способности едва-ли можетъ довольствоваться „всеобщимъ фактомъ субъективнаго наблюденія“. Изслѣдованіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что подобные „всеобщіе факты“ ни мало не исключаютъ возможности ихъ объясненія, идущаго дальше непосредственнаго наблюденія.

Существуетъ напр. „всеобщій фактъ“ объективнаго наблюденія, состоящій въ томъ, что земля представляетъ подобіе круглой доски; наука, однако, недовольщаясь этимъ фактомъ и отыскивая его объясненіе, приводящее къ утвержденію понятія о шарообразности земли. Точно также, „всеобщій фактъ“ субъективнаго наблюденія, т. е. сознаніе „произвольности выбора“ ни мало не вынуждаетъ насъ допустить, что эта произвольность есть нѣчто, радикально отличающееся отъ движенія ядра и отъ взрыва пороха. Научное объясненіе факта произвольности выбора достается лишь образованіемъ понятія объ относительной или психологической свободѣ воли, въ противоположность той абсолютной свободѣ, которая допускаясь спиритуалистическою метафизикою и отвергается метафизическимъ материализмомъ. „Свобода воли“ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ степенью активности чувствую-щегося существа, зависящая отъ его организаціи, отъ цѣля и мыслящаго существа, зависящая отъ его организаціи, отъ его физиологическихъ функцій и отъ тѣхъ социальныхъ отношеній, въ которыхъ это существо принимаетъ прямое или косвенное участіе. Эта относительная, опредѣленная миллионами сложныхъ условій, „свобода воли“ такъ же мало противорѣчитъ понятію о законности явленій, какъ не противорѣчитъ ей и опредѣленное сложными условіями „неожиданное и внезапное“ разложеніе массы взрывчатого вещества. И поэтому, всякая попытка разорвать на двое законность всего совершающагося — всякая такая попытка будетъ мертворожденною. Не метафизически, а научно можно и должно разсматривать дѣйствія личности и событія исторіи и должно разсматривать дѣйствія личности и событія исторіи какъ „неизбѣжныя“, т. е. условно необходимыя слѣдствія, „слѣдствія“, вытекающія изъ совокупности географическихъ, физиологическихъ, психологическихъ и иныхъ причинъ. Психологическій же фактъ „произвольности выбора“ долженъ противопоставляться не „безусловной необходимости“, а психологическому же автоматизму, каковой мы наблюдаемъ напр. въ состояніи гипноза, а въ менѣе рѣзкой формѣ—въ явленіяхъ подражанія и нас-

сивного подчинения. Закономерная воля не есть „деревянное жезло“: при известной совокупности условий, мы, действительно, должны хотеть, т. е. мы хотим по необходимости. Вырывать факт произвольности выбора из всей совокупности психических явлений, представляющих всевозможные градации от высокой степени сознательности и свободы до крайней степени бессознательности и автоматизма, также нить ни малейшего основания. А стало быть, и с точки зрения психологии, нить основания для установления особого метода, противоположного методу естественных наук.

Как же отнеслась ко всем намеченным выше вопросам положительная философия, по сколько она выражена в „Курсе“ Конта?

Нельзя сказать, чтобы положение ее в этом вопросе было вполне определенным и неуклонным.

Разсматривая силы, проявляющиеся в „социальной динамике“, Конт, как известно, придает первоестественное значение умственному фактору. „История общества, говорит он, находится под господством истории человеческого ума“¹⁾; поэтому понятия умственной и социальной эволюции являются для него порою тождественными²⁾. Мы видим, что по этому вопросу Конт, однако, делает важные оговорки. Ум, говорит он, по природе слабее наших аффективных способностей; он не столько повелевает, сколько видоизменяет; однако, он является всюду руководителем и главным фактором всех социальных пережит, как революционных, так и постепенных. Единственным средством реформы является преобразование мнений, затем уже нравы и, наконец, учреждения.

Тем не менее, Конт весьма далеко от приписывания уму всемогущества, а человеческим действиям—свойства безусловной свободы. Вроу во всемогущество ума он прямо признает крупную заблуждением и связывается с этой ошибкой переоценку значения выдающихся людей. Гении науки и искусства, а тем более законодатели, тесно связаны с общим ходом умственного развития общества. Сверх того, ум подчиняется, по Конту, чисто механическим или физическим законам инерции, сложения движений и равенства действия и противодействия. Поэтому умственное развитие, а стало быть и весь ход исторического развития, далеко не определяются субъективным произволом, но обнаруживает непрерывную связь событий.

Как же относится социология Конта к понятию о человеческих действиях? Что касается „конечных целей“, как и „ко-

нечных причин“, они раз навсегда исключаются основными началами положительного метода и исключены Контом уже из астрономии и биологии. Телеология, по которой вся природа служит целям человека, замещена изучением условий существования.

Исключит человеческие цели из социологии было не так легко³⁾. Когда Конт говорит, что положительная социология не воспринимается политическими фактами и не осуждает их, но видит в них лишь простые „предметы наблюдения“, то это утверждение мало гармонирует с собственным заявлением Конта, что научное убеждение в законности социальных явлений не должно выродиться в „систематическую склонность к фатализму и оптимизму, одинаково развращающую и опасную“— вследствие чего Конт даже заявляет, что, занимаясь социологией с успехом может только тот, чей нравственный уровень достаточно высок. И не трудно видеть, что изгнанная в дверь нравственная оценка возвращается в окно в собственных социологических умозрениях Конта⁴⁾.

Но эта оценка именно и страдает тою субъективностью, которую пытались превратить в метод. Истинное мерило для оценки социальных явлений может быть найдено не иначе, как при помощи общего научного метода; роль субъективного элемента в этом случае ограничивается положением, в которое сознательно ставят себя наблюдатель, принимая к тем или иным социальным течениям, отставая интересы и идеалы тех или иных общественных групп. Убеждение в законности социальных явлений—и в этом смысле в их неизбежности—ни мало не препятствует участию в активной борьбе. Вд и сам исследователь, со своими идеями и стремлениями, входит в состав условий, определяющих тот или иной ход событий; и чем более обширны его познания, тем глубже его анализ общественных явлений, тем больше он, при равных условиях личной энергии, будет способен содействовать торжеству своего идеала—по той простой причине, что его идеал будет иметь под собою более реальную почву в наличных общественных силах.

Как уже было замечено, в нашей литературе сдлана одна, заслуживающая полного внимания попытка дополнить и исправить социологический метод Конта, не выступая под фла-

¹⁾ Cours, IV, 460 (3-о изд.).
²⁾ Там же, VI, 409—410.

³⁾ Сравни Wundt, Log k. 2 Aufl. II 2, 8, 321 и Barth, Die Philos. der Geschichte, 47—50.

⁴⁾ Выражение оценка (appréciation) одно из весьма употребительных в социологии Конта.

томъ „субъективнаго метода“. Эта попытка принадлежит В. Лесевичу и о ней необходимо сказать еще нѣсколько словъ¹⁾.

Возражал теоретикамъ „субъективнаго метода“, г. Лесевичъ прежде всего указываетъ на неправильность терминологіи, смѣшавшей методъ съ точкою зрѣнія. Точка зрѣнія ставитъ цѣли, но разрѣшеніе вопроса всецѣло зависитъ отъ метода. Если система Конта не имѣетъ основанія для нравственной оцѣнки, то это является не неизбѣжнымъ послѣдствіемъ основныхъ началъ позитивизма, а результатомъ непоследовательности основателя, и недостатки этого можетъ быть устраненъ безъ всякаго ущерба для основныхъ началъ позитивизма. Отрицаніе восхищенія и осужденія, высказанное Контомъ, вполне основательно, пока идетъ рѣчь объ абстрактной социологіи, т. е. о необходимыхъ научныхъ фактахъ; къ конкретнымъ общественнымъ фактамъ, наоборотъ, всецѣло примѣнима нравственная оцѣнка. Эти замѣчанія В. Лесевича, подтверждающія необходимость „субъективной точки зрѣнія“, отрицаютъ въ то же время всякую почву у „субъективнаго метода“, такъ какъ подтверждаютъ, что методъ образованія понятій существенно одинаковъ для всѣхъ наукъ; различнымъ же можетъ быть только положеніе, принятое исследователемъ по отношенію къ изучаемому объекту.

Изъ предыдущаго ясно, что мы мало склонны проводить рѣзкую пограничную черту между абстрактной и конкретной социологіей, а потому, въ разсматриваемомъ случаѣ, мы нѣсколько уклоняемся отъ взглядовъ В. Лесевича. Каковы бы ни были социологическія абстракціи или факціи, онѣ во всякомъ случаѣ представляютъ результатъ исследованийъ надъ живымъ человеческимъ матеріаломъ, а потому сомнительно, чтобы даже въ области такихъ абстракцій было возможно всегда удержаться на высотахъ олимпийскаго спокойствія. Но именно отсюда и вытекаетъ требованіе объективности, какъ единственнаго способа гарантировать научную истину. Опредѣливъ разъ навсегда свою субъективную точку зрѣнія, т. е. свое отношеніе къ тѣмъ или инымъ интересамъ, стремленіямъ, идеаламъ, выяснивъ свое положеніе по отношенію къ классовой, сословной, національной, религіозной борьбѣ, исследователь затѣмъ уже не принадлежитъ себѣ, а долженъ служить исключительно истинѣ, — не прикрашивая ея въ пользу своихъ излюбленныхъ идеаловъ, не ставя себя въ положеніе страуса, прячущаго голову, не обманывая сознательно или безсознательно своихъ единомышленниковъ и противниковъ. Въ этомъ

¹⁾ То обстоятельство, что В. Лесевичъ считаетъ свои разногласія съ представителями субъективнаго метода не существенными, ясно здѣсь не высется. Конечно, „субъективный методъ“ былъ шагомъ впередъ по сравненію съ „позитивизмомъ“ во наукѣ Виррובה, но, по справедливому замѣчанію В. Лесевича, гибель виррובскаго позитивизма еще ничего не свидѣтельствуетъ противъ Конта.

смыслѣ Контъ правъ, когда требуетъ отъ социолога, прежде всего, высокаго нравственнаго уровня. Но смѣло признавать факты вовсе не значитъ сгибать передъ ними спину; никто не можетъ требовать отъ социолога, чтобы онъ „обуздымалъ“ свое восхищеніе или негодованіе, — лишь бы онъ ради этого не попиралъ истину и лишь бы его чувства не подсаживались мелочными и пошлыми страстями, этими „фуріями частнаго интереса“, по выраженію Карла Маркса.

Каковы бы ни были недостатки положительной философіи, и въ частности социологіи Конта, за этимъ мыслителемъ останется навсегда та безсмертная заслуга, что онъ первый, воплотивъ категорически и ясно, опредѣливъ область социологіи и ея мѣсто въ ряду другихъ наукъ. Соціальныя идеалы Конта были не болѣе, какъ отраженіемъ классовыхъ интересовъ буржуазіи, съ которыми онъ, подобно Сень-Симону, пытался слить интересы всѣхъ промышленныхъ классовъ, включая пролетаріатъ. Такая попытка была заранѣе осуждена на полное безплодіе. Мысль объ установленіи нравственныхъ отношеній между рабочими и предпринимателями, при чемъ капиталисты изображать изъ себя „необходимыхъ распорядителей общественными капиталами“, слишкомъ напоминаетъ, съ одной стороны, пресловутую экономическую гармонию буржуазныхъ экономистовъ, съ другой — утопіи Сень-Симона; а проектъ поставить во главѣ свѣтской власти банкировъ, какъ представителей самыхъ „абстрактныхъ“ функцій капитала, могъ бы, пожалуй считаться пророческимъ предвидѣніемъ плутократіи, господствовавшей въ эпоху Наполеона III, — если бы она не процвѣтала уже въ эпоху, когда Контъ писалъ свой „Курсъ“. Но эти ошибки, зависящія отъ избранной Контомъ классовой точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены въ вину его положительному методу. То же относится и ко многимъ другимъ частнымъ промахамъ Конта.

Положительная философія, въ томъ видѣ, какъ она обособлена Контомъ, не есть завершенное и неизмѣемое зданіе. Самый фундаментъ требуетъ существенныхъ поправокъ; въ немъ отсутствуетъ теорія познанія; въ немъ, вообще, нѣтъ послѣдовательнаго объединяющаго принципа, хотя Контъ упорно искалъ его, сначала въ математикѣ, затѣмъ въ области социологіи. Въ лицѣ автора „Критики чистаго разума“, къ которому Контъ относился съ большимъ уваженіемъ, но котораго зналъ лишь изъ вторыхъ рукъ, германская философія уже дала начала, которыхъ Контъ не успѣлъ найти — и должна была рано или поздно привести къ критическому реализму, во многихъ стоящему выше ученія Конта; однако, послѣдовательное развитіе позитивизма, въ свою очередь, могло бы привести къ такимъ же или аналогич-

нымъ началамъ. Такимъ образомъ, каково бы ни было наше мнѣніе о частныхъ промахахъ Конта и о несоотвѣстствіи его ученія съ нынѣшнимъ состояніемъ философіи, позитивизмъ не только навсегда сохранить историческое значеніе, но и до сихъ поръ можетъ служить болѣе чѣмъ достаточнымъ противовѣсомъ мистицизму и метафизикѣ, далеко еще не устраненнымъ и теперь—черезъ сто лѣтъ со дня рожденія Конта.

М. Филипповъ.

Ог. Контъ и Клотильда де Во.

Между биографами Конта до сихъ поръ существуетъ разногласіе относительно послѣдняго періода жизни великаго мыслителя; какъ отнестись къ этой порѣ дѣятельности Конта? Былъ-ли авторъ „Курса положительной философіи“ въ нормальномъ психическомъ состояніи въ тѣ годы, когда писалъ свою „Позитивную политику“? Отъ рѣшенія этихъ вопросовъ существенно зависитъ тотъ или иной взглядъ на всю познѣйшую дѣятельность Конта, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивая мнѣнія Литтре и другихъ писателей, строго придерживающихся одного лишь Курса положительной философіи, съ воззрѣніями тѣхъ послѣдователей Конта, которые признаютъ какъ разъ послѣдній періодъ его дѣятельности наиболѣе важнымъ, а въ самомъ Контѣ чуть по преимуществу основателя новой религіи.

Одно, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно: въ жизни Конта существовалъ поворотный пунктъ, когда отъ культа разума онъ обратился къ культу чувства; и рѣшающимъ моментомъ въ этомъ поворотѣ была его любовь къ Клотильдѣ, а съ этой точки зрѣнія, отношенія Конта къ Клотильдѣ де Во приобрѣтаютъ интересъ, имѣющій не одно биографическое значеніе.

Объ этой романтической любви писали уже не разъ и освѣщали ее съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Ог. Контъ былъ несчастенъ въ семейной жизни; судить о причинахъ этого несчастія трудно потому, что мы имѣемъ главнымъ образомъ свидѣтельства самого Конта и почти не имѣемъ показаній противной стороны, т. е. г-жи Контъ.

Изъ всего, что сообщаетъ Контъ о своей женѣ, становится яснымъ, что она не могла удовлетворить его ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, ни говоря уже о различіи темпераментовъ и характеровъ, изъ которыхъ ни одинъ не терпѣлъ господства надъ собою. Въ одномъ изъ писемъ къ Джону Стюарту Миллю, Контъ указываетъ на то, что къ отношеніямъ къ женѣ

онъ всегда страдалъ отъ недостатка въ ней нѣжности, отъ сухаго отношенія къ его ласкамъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ о томъ, что жена отравляла ему жизнь своимъ непріятнымъ властолюбивымъ характеромъ, что она была воспитана въ дурныхъ принципахъ и „можно цѣнила необходимыя условія, свойственныя ей полу въ экономіи человѣческой жизни“. Онъ жалуется, что жена его обладала деспотическими стремленіями и отсутствіемъ кротости. По словамъ Конта, такіа стремленія могли-бы еще уравновѣситься сильною привязанностью; но жена не имѣла къ нему ни малѣйшей склонности.

Въ пользу жены Конта говорить то обстоятельство, что къ ней относились съ уваженіемъ многіе друзья и поклонники философа, въ томъ числѣ Литтре, который по смерти Конта даже содѣйствовалъ его женѣ въ оспариваніи завѣщанія великаго философа. Всѣ попытки друзей, въ особенности Литтре, примирить супруговъ не привели ни къ чему; четыре раза Контъ расхохотался съ женой и наконецъ рѣшительно отказался принять ее къ себѣ. Уже то обстоятельство, что Контъ, подобно большинству его соотечественниковъ, и въ теоріи, и на практикѣ считалъ женщину, предназначенною главнымъ образомъ любить и быть любимой, показываетъ, что нужно относиться осторожно къ его показаніямъ. „Со времени нашей роковой свадьбы 19 февр. 1845 года, пишетъ Контъ въ своемъ завѣщаніи—ея поведение, хотя весьма распущенное, никогда не обнаруживало ни къ какому истинной привязанности; два другихъ альтруистическихъ инстинкта—уваженіе и доброта ей еще болѣе чужды. Не смотря на позитивный тонъ, ея натура на всегда останется чисто революціонной“ *).

Можно было-бы поэтому подумать, что для Конта окончательный разрывъ съ женой былъ болѣе важнымъ облегченіемъ; но по своей натурѣ Контъ былъ неспособенъ къ одиночеству и Ж. Дюма, кажется, не безъ основанія замѣчаетъ, что два года одинокой жизни болѣе состарили Конта, нежели 17 лѣтъ несчастной супружеской жизни. Было-бы однако ошибкою повторить вслѣдъ за нѣкоторыми врачами Конта, что любовь его къ Клотильдѣ де Во была старческимъ увлеченіемъ. Не смотря на все имъ испытанное, Контъ въ 46 лѣтъ не могъ еще считаться старикомъ, а любилъ имъ женщина, во всякомъ случаѣ, была уже не первой молодости: Клотильдѣ де Во, при первомъ ея знакомствѣ съ Контомъ, было 30 лѣтъ. Были правда особія обстоятельства, придавшія чувству Конта романтической характеръ: Если Контъ былъ несчастенъ въ семейной жизни, то Клотильда де Во могла противопоставить его испытаніямъ болѣе тяжкое горе; она была женою чловека,

совершившаго уголовное преступленіе и лишеннаго правъ. Измученная, опозоренная, она жила у своихъ родителей, одинокая, вдали отъ мужа, понесшаго позорное наказаніе. Такая обстановка, въ связи съ красотою Клотильды, не могла не повліять на философа, углоленного одиночествомъ. Знаясь Клотильдѣ, говорятъ, что она дѣйствительно была хороша: это была блондинка съ роскошными волосами, полными нѣги голубыми глазами и тѣмъ нѣжнымъ румянцемъ, который свойственъ чахоточнымъ. Знакомство Конта съ Клотильдой началось съ того, что онъ случайно одолжилъ ей книгу, а именно „Тома Джонса“ Фильдинга. По поводу этой книги у нихъ завязалась переписка, вскорѣ ставшая ежедневною. Въ самыхъ первыхъ письмахъ Конта уже ясно сказывается охватившее его чувство, и тѣ официальные визиты къ родителямъ де Во, во время которыхъ онъ долженъ былъ себя сдерживать, уже не удовлетворяли его. Второго мая 1845 года Контъ писалъ: „Значеніе, которое вы придаете моей бесѣдѣ, поощряетъ меня заявить вамъ, что я былъ-бы очень радъ скрѣпить подобныя отношенія, на сколько вы признаете возможнымъ. Меня часто признавали не достаточно живчивымъ вслѣдствіе того, что я не встрѣчалъ у другихъ настроеніе ума и въ особенности сердца, достаточно гармонизирующаго съ моимъ... Помимо возвышенности идей и благородства, свойственнаго всей вашей, интересующей меня семьѣ, грустное совпаденіе нашихъ личныхъ положеній образуетъ еще между вами и мной особенное сближеніе“.

Понять чувства, волновавшія Конта, было конечно не трудно тридцатилѣтней женщинѣ, и цѣлыхъ тринадцать дней она медлила отвѣтомъ; а когда наконецъ отвѣтила, то написала между прочимъ: „мое уединеніе заставляло меня рѣдко принимать визиты мужчинъ, однако нѣкоторыхъ я принимаю; сочувствію для себя частью, если вы будете въ ихъ числѣ“.

Три дня спустя Контъ отвѣчаетъ ей длиннымъ письмомъ, въ которомъ содержится уже настоящее признаніе въ любви. Онъ пишетъ о томъ, что, еще не ожидая ея счастливаго позволенія, онъ пересталъ подавлять въ себѣ нѣжныя чувства, постепенно увеличившія его по отношенію къ ней. Онъ проситъ позволенія открыто посвятить ей привязанность старшаго брата; сожалѣетъ о томъ, что не можетъ стать моложе и прибавляетъ: „если-бы вы, сударыня, были менѣе прекрасны, чтобы хотя немного уравновѣсить роковое несоотвѣтствіе моей нравственной юности съ моимъ физическимъ возрастомъ“.

Онъ называетъ ее своею очаровательною подругой, стараясь при этомъ увѣрить, что въ его характерѣ нѣтъ ни малѣйшей сентиментальности и аффектаціи и что любовь его есть плодъ зрѣлаго убѣжденія. Въ концѣ письма онъ говоритъ о своихъ философ-

* См. Aug. Comte et Clotilde de Vaux par H. Aimel, Nouv. Revue 1889, 15 Oct, G. Dumas, L'état mental d'Auguste Comte, Rev. Philos. 1898 № 2.

ских трудах; „какой драгоценный контрастъ съ печальнымъ состояніемъ угнетенія, въ которое я былъ погруженъ 15 лѣтъ тому назадъ, когда началъ мой капитальный трудъ, почти всецѣло выполненный подъ этимъ удручающимъ впечатлѣніемъ. Я до того проникнутъ сознаніемъ этой спасительной реакціи, что не колеблясь посвятилъ-бы вамъ трудъ, въ которомъ вы такимъ образомъ примете косвенное участіе; если бы только подобное посвященіе не нарушило вѣншихъ приличій, заслуживающихъ уваженія.... Но какъ бы то ни было, вѣнній наилучшая доля моей благодарности всегда будетъ обращена изъ той, которая, ожививъ силу моихъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, оказала такую существенную поддержку моимъ философскимъ стремленіямъ“.

Черезъ нѣсколько дней Клотильда отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Она написала Конту, что его письмо сильно ее огорчило, что принявъ его дружбу, она думала содѣйствовать его и своему счастью; но ошиблась въ этомъ. Она увѣряла, что расчитывала скорѣе внушить ему сожалѣніе, чѣмъ нѣжность, такъ какъ цѣлый годъ уже думаетъ о томъ, доживетъ-ли до слѣдующаго дня, а съ такими мыслями никто не рѣшается ни опометчивыя выходить. Контъ въ тотъ-же день отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ сознавалъ себя виноватымъ и въ тоже время писалъ, что одна ужасная фраза въ запискѣ Клотильды внушила ему чувство сильной тревоги и угрызенія. Онъ увѣрялъ себя и Клотильду, что сумѣетъ обуздать свои чувства.

Переписка однако не прекращалась и нѣсколько дней спустя Контъ снова писалъ о тяжелой борьбѣ и выражалъ надежду, что все кончится настоящей дружбой, проси прощенія за свое недавнее безуміе. Ему не удалось однако убѣдить Клотильду! 5-го іюня она написала ему письмо, которое, казалось, должно было положить конецъ ихъ отношеніямъ. Она писала ему, что безнадежная любовь убиваетъ тѣло и душу и что уже два года она любитъ человѣка, отъ котораго отдѣлена двойной преградой; она просила Конта сохранить къ ей дружбу, но болѣе не посѣщать ея.

Если уже послѣ первыхъ писемъ Клотильды Контъ былъ разстроенъ такъ, что 22-го мая слезъ въ постель, то можно представить себѣ впечатлѣніе, испытанное имъ послѣ подобнаго признанія. Настроеніе его духа ясно выразилось въ мрачномъ его письмѣ, адресованномъ отъ 27 іюня Джону Стюарту Миллю. Клотильда онъ отвѣтилъ нѣжнымъ письмомъ, въ которомъ утѣшалъ себя самъ мыслью, что отъ этой величайшей жертвы выиграетъ человечество, такъ какъ теперь онъ удвоитъ свою любовь къ нему. Случайное обстоятельство вышло изъ отношенія Конта къ Клотильдѣ. Рождественница Клотильды родила ребенка и еще задолго до рожденія взяла съ Конта и съ Клотильды де Во слово, что они бу-

дутъ крестнымъ отцемъ и матерью. И вотъ тотъ самый Контъ, который когда-то рѣшительно отказался отъ црковнаго брака съ m-lle Massin и выполнилъ лишь гражданскій бракъ, писалъ теперь Клотильдѣ, что сдѣлавъ осущствивъ принятое на себя святое обязательство, и что они оба, не имѣя дѣтей, такимъ образомъ установятъ между собой родъ духовной связи; а нѣсколько дней спустя Контъ писалъ уже Клотильдѣ: если только стану когда-либо свободнымъ, то рѣшилъ не жениться ни на комъ кромѣ васъ, исключая того случая, если уже останусь на всегда одинокимъ, или если вы меня не примете; Клотильда въ тотъ-же самый день пишетъ: „Cher ami, я всегда буду вашимъ другомъ, но ничѣмъ больше, считайте меня какъ-бы несвободной женщиной“. Контъ отвѣчалъ ей восторженнымъ письмомъ, въ которомъ называетъ ее дорогой Клотильдой и своей Клотильдой, говорить о томъ, какъ сладко любить и выражаетъ надежду, что братская искренность украситъ его общественную и частную жизнь.

Такая изумительная настойчивость, искренность и напнность великаго философа если не внушили Клотильдѣ любви, то во всякомъ случаѣ заставили проникнуться чувствомъ жалости. Она стала называть его своимъ дорогимъ философомъ, и кромѣ официальныхъ свиданій, у нихъ начались и тайныя: разъ въ недѣлю Клотильда стала посѣщать Конта. Письма его со дня на день все болѣе становятся влюбленными; 26-го авг. онъ пишетъ ей, что видитъ ея образъ постоянно передъ собой и молится ему у ея алтара. Клотильда уже не отвѣчаетъ сурово, но пишетъ, что нѣжно протягиваетъ ему руку. 5-го она пишетъ ему новое рѣшительное письмо; „со времени моихъ несчастій моей единственной мечтою было стать матерью, но я дала себѣ слово связать судьбу только съ человекомъ, достойнымъ и способнымъ понять меня. Если вы считаете себя способнымъ взять на себя отвѣтственность, связанную съ семейной жизнью, скажите мнѣ, я рѣшу свою судьбу“. Отвѣтъ Конта легко угадать. Онъ прочелъ ея „божественное“ письмо на колѣняхъ передъ ея алтаремъ, обдумывалъ отвѣтъ всю ночь и наконецъ отвѣтилъ, что считаетъ это самымъ рѣшительнымъ событіемъ своей жизни. Онъ считаетъ ее своей „единственной настоящей женой, не только будущей, на нынѣшней и вѣчной“. Клотильда отвѣчаетъ ему, что не считаетъ его обыкновеннымъ человекомъ, что планъ ея жизни — любовь и мысль и что она постарается развить свой литературный талантъ....

Клотильда считала себя талантливой романисткой и поэтессой. Отъ нея сохранилась повѣсть, начатая въ 1845 г. въ газетѣ National. Тема этой повѣсти — краснорѣчивая защита развода; но выполненіе весьма слабо. Въ другой, неоконченной повѣсти, Виль

гелимифъ, Клотильда защищаетъ добродѣтель и домашнее счастье: этотъ отрывокъ любопытенъ лишь тѣмъ, что написанъ въ сотрудничествѣ съ Контомъ, который сочинилъ письмо для одного изъ листъ „въ одно и тоже время философское и сентиментальное“ о преимуществѣхъ семьи и брака.

Возвратимся къ судьбѣ Конта. Седьмого сентября состоялось между нимъ и Клотильдой рѣшительное свиданіе: но когда Клотильда увидѣла Конта у своихъ ногъ, когда убѣдилась въ томъ, что теперь, по своему собственному добровольному рѣшенію, станетъ его женою, т.е. признанною свѣтомъ, то на другой же день написала, что это выше ея силъ.

Бѣдный философъ не могъ тутъ ничего понять. Какъ, пишетъ онъ, въ пятницу Вы по доброй волѣ дѣлаете мнѣ неожиданное общаніе, въ субботу Вы его подтверждаете, въ воскресенье избѣгаете, въ понедѣльникъ берете назадъ! Не значить-ли это злоупотреблять привилегіей женщины? Онъ съ горечью прибавляетъ, что сожалѣетъ о своемъ великодушіи: „если-бы я больше настаивалъ, Вы бы уступили“. Клотильда отвѣчаетъ ему тономъ раздраженія: „я не способна отдалась безъ любви, я это почувствовала вчера: если-бы Вы заставили меня уступить, то никогда бы не увидѣли меня больше. Умоляю Васъ не напоминать мнѣ ни о Вашихъ правахъ, ни о Вашихъ жертвахъ: и то, и другое существуетъ только въ Вашемъ воображеніи; съ тридцатилѣтней женщиной нельзя поступать, какъ съ маленькой дѣвочкой. Лѣчиться и заботиться о своемъ здоровьи. Развѣ я когда-нибудь говорила о превращеніи человѣческой натуры въ ангельскую? Развѣ я когда-либо впадала въ смѣшную ошибку спиритуализмъ? Другъ мой, опомнитесь и въ свою очередь будьте разуздѣльны!“

Теперь Контъ понять, что все кончено. Ни малѣйшей горечи нѣтъ однако въ его отвѣтѣ. Теперь онъ самъ пишетъ, что надо забыть объ этихъ грѣхахъ; онъ оскорбленъ лишь ея подозрѣніями: „я гораздо болѣе похожъ на Донъ-Кихота, чѣмъ на Донъ-Жуана. Изъ всѣхъ отвратительнѣйшихъ поступковъ, какое-бы то ни было насиліе надъ женщиной всего болѣе антипатично моему характеру“.

Огюсть Контъ рѣшился прекратить свиданія съ Клотильдой; онъ видѣлъ въ ней, съ этихъ поръ, лишь чисто духовную жену и подругу. Но зато письма Клотильды становились все болѣе нѣжными. Она пишетъ такъ, какъ будто сама страдала отъ утраты величайшаго счастья. Но на этотъ разъ письма Клотильды не привели Конта къ ея ногамъ. Онъ писалъ ей, что хотя, какъ мужчина, не способенъ къ утонченной нѣжности, но ей болѣе нечего бояться его нескромности, онъ болѣе не будетъ надобѣждать ей. Онъ писалъ, что обязанъ ей источникомъ чистаго и продол-

жительнаго счастья, но теперь сумѣетъ удержать себя въ предѣлахъ ея назначенныхъ.

Шестъ мѣсяцевъ еще продолжалась ихъ переписка. Клотильда медленно умирала; но весной 46-го года, болѣзнь ускорила, и 5-го апрѣля Клотильда умерла въ объятіяхъ Конта.

Съ тѣхъ поръ и до самой своей смерти, въ теченіе одиннадцати слишкомъ лѣтъ, Контъ читалъ Клотильду, какъ памятникъ аскетъ чтить свою Мадонну. Последнимъ желаніемъ Конта было—быть похороненнымъ вмѣстѣ съ нею. Но семья этому воспротивилась и друзья Конта могли лишь опустить въ его гробъ дощечку съ надписью: „Клотильда де Во, вѣчная подруга Огюста Конта. Родилась 3-го апрѣля 1815 г. въ Парижѣ и умерла 5 апрѣля 1846 года въ Парижѣ“.

Въ теченіе перваго года по смерти Клотильды Контъ лишился способности что-либо дѣлать; бросилъ всѣ работы и оставался въ состояніи меланхолическомъ. Единственное, что онъ написалъ за это время, было философское письмо, составленное для г-жи Клотильды де Во по случаю дня ея рожденія.

Перебирая еще разъ въ памяти исторію любви Конта, прійдемъ къ заключенію, что значеніе этого романа было не совсѣмъ правильно освѣщено многими писателями, смотрѣвшими на Клотильду де Во его собственными глазами. Вотъ что напримѣръ пишетъ Миль въ своемъ извѣстномъ очеркѣ „Огюсть Контъ и позитивизмъ“. Приведа изъ позднѣйшихъ сочиненій Конта утвержденіе, что творецъ позитивной философіи испыталъ, вслѣдствіе „несравненной страсти“, ангельское вліяніе женщины, содѣйствовавшее нравственному перерожденію, Миль отъ себя замѣчаетъ: „Контъ испыталъ страстную привязанность къ одной женщинѣ, которая, по его описанію, соединила въ себѣ всѣ нравственныя добродѣтели со всѣми умственными достоинствами; его отношенія къ этой женщинѣ, помимо непосредственнаго воздѣйствія ея характера на его собственныя, дали Конту возможность извѣдать истинные источники человѣческаго счастья, что радикально измѣнило его взгляды на жизнь; эта привязанность, всегда остававшаяся чистою, доставила ему только одинъ годъ страстнаго наслажденія“...

Но обожаніе памяти этой женщины пережило ее и стало для Конта основой его воззрѣній относительно воспитанія, построеннаго на началахъ симпатій. [Конечно Миль, по его собственнымъ словамъ, относится къ послѣднему періоду дѣятельности Конта болѣе критически, чѣмъ одобрительно, однако онъ убѣжденъ въ томъ, что нравственное вліяніе Клотильды на характеръ Конта дѣйствительно было „облагораживающимъ и смягчающимъ“. Едва-ли можно безусловно согласиться съ такимъ заключеніемъ;

и тот-же Мишль гораздо правильнее характеризует перемену, происшедшую в Конте, замечая, что „влияние его личных чувств на умозренье превратило его философию в религиозный экстаз“.

Присоединяясь къ послѣднему мнѣнью, могу прибавить, что Конте, до такого позднего возраста не испытавшій настоящей любви, до того былъ охваченъ этимъ чувствомъ, что возвелъ его въ культъ, а объектъ страсти идеализировалъ до степени божества.

Между тѣмъ это божество было далеко не безгрѣшно въ своихъ отношеніяхъ къ нему; подъ маской внѣшней кротости скрывалась въ сущности своеправная, себлюбивая кокетка, то разыгрывавшая изъ себя неприступную добродѣтель, то внезапно сдувшая ему счастье, выражая желаніе соединиться съ нимъ неразрывно. Доведя свою власть надъ нимъ до послѣднихъ предѣловъ, она вдругъ заявляетъ, что принадлежитъ ему не можетъ, — не любить его. Гдѣ-же тутъ возвышенность чувствъ, о которой толкуютъ нѣкоторые биографы! Ни одна уважающая себя женщина не снизойдетъ до чувственной любви не любя, но найдется-ли такая, которая сама предложить любовь нелюбимому человѣку! И если-бы Конте былъ менѣе увлеченъ Клотильдой, то на ея письмо „съ тридцатилѣтней женщиной нельзя поступать, какъ съ маленькой дѣвочкой“, отвѣтилъ бы: тридцатилѣтняя женщина не должна поступать легкомысленно, какъ дѣвочка. Быть можетъ буржуазная французская жена, несчастная въ первомъ замужествѣ, захотѣла устроить свою судьбу, выйдя замужъ за знаменитаго философа; но взвѣсивъ всѣ трудности и препятствія, она испугалась тѣхъ жертвъ общественному мнѣнью, которыя пришлось бы принести. Въ характерѣ ихъ отношеній мало возвышеннаго, облагораживающаго, и если бы влияние Клотильды было такъ благотворно на духовныя силы философа, то быть можетъ великій мыслитель создалъ-бы что-либо не менѣе крупное, чѣмъ „Курсъ положительной философіи“.

Но какъ извѣстно, періодъ любовной экзальтаціи философа при жизни Клотильды не повліялъ на его философское творчество, — онъ ничего не написалъ. А то, что онъ писалъ послѣ смерти Клотильды, представляетъ мистическій бредъ истерзанной большой души, въ которомъ лишь изрѣдка пробиваются гениальныя мысли. Кто хотя на минуту сомнѣвается въ ненормальномъ состояніи Конте въ то время, когда онъ писалъ свою „Позитивную Политику“, „Позитивный Календарь“ и „Позитивный Катехизисъ“, тотъ пусть вспомнитъ объ утопіи, относящейся къ „дѣвъ-матери“, въ которой самымъ очевиднымъ образомъ сказывается болѣзненное чувство неудовлетворенной любви, приведшее Конте къ аскетической док-

ринъ и къ идеалу женщины, рождающей дѣтей безпорочнымъ путемъ. Впрочемъ, признавъ этотъ доводъ о патологическомъ состояніи Конте рѣшительнымъ, я выразилась несомнѣнно точно, такъ какъ и въ настоящее время находятся писатели, отстаивающіе тотъ взглядъ, что Конте сочинилъ эту утопію, „находясь въ нормальномъ умственномъ состояніи и желая указать лишь воображаемый предѣлъ, т. е. желая обуздать плотскіе инстинкты“. Г. Дюма въ „Revue Philosophique“ увѣряетъ даже, что „гипотеза Конте, хотя и не осуществима, вовсе не такъ недѣла, какъ о ней принято говорить“. Что надъ этимъ подразумеваетъ г. Дюма, трудно сказать, такъ какъ авторъ не развиваетъ своей мысли. — Если ужъ говорить о влияніи женщинъ на Конте, то придется признать, что г-жа Конте, хотя по своему умственному содержанію не могла вліять на работы философа, но во всякомъ случаѣ не была для него тормозомъ: главный свой трудъ, „Курсъ положительной философіи“ Конте написалъ до разрыва съ женою.

Л. И. Филиппова.